

Последняя Тень

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Роя Райх

18+

Роя Райх

Последняя тень

<https://litres.ru/74683444>

SelfPub; 2026

Аннотация

В жестоком мире людей и демонов есть только два выхода: умереть или заключить сделку с ёкаем. Но что, если на тебя охотится клан безжалостных убийц, а тайна, которую приходится оберегать горька на вкус?

Содержание

пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	77
Глава 6	99
Глава 7	113
Глава 8	130
Глава 9	163
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Роя Райх

Последняя тень

пролог

«Когда дело касается пути воина, одиночество – это его доспех. Но когда встречаются два одиночества, их тени сплетаются туже узлов на рукояти меча».

Стук деревянных сандалий оглушал сад. Шелковый ремешок на них до боли врезался в натертую кожу, а белый таби уже окрасился красным. Так сильно служанка спешила через всю деревню, чтобы сообщить о важной новости. Огибая додзё, минуя сад с зацветающими сакурами и по щиколотку утопая в мокрой от росы траве, она достигла порога дзёнина.

– Кто такая? – остановили тётку стражники, грубо схватив за плечи.

– Пустите! – ответила той же грубостью запыхавшаяся женщина. Пряди ее прически вымокли от пота и непослушно выбились, чуть прикрывая лицо. – Пустите, сказала! – дернулась она. – Я одна из повивальных! Голов захотели лишиться, щенки?

Цепкие пальцы стражников на жилистых плечах хмурой тетки ослабли. Одарив опасным взглядом двоих крепких мужчин, она шершаво прошипела им в спину:

– Мальчишки. Давно ль вас из пеленок мне доставать приходилось?!

Во дворце, впрочем, как и во всех владениях дзёнина, в такое время свет и даже малейший его намек был непозволительной роскошью, но в этой темноте повивальная без труда нашла место, чтоб разуться и тихо прошла в Хрустальную залу – самую выбеленную комнату во дворце. Отблеск гладкого зеркального мрамора на полу и стенах позволил увидеть очертание человека и тяжелый серый дым из его длинной трубки, который густо стелился по полу. Служанка низко поклонилась, что осталось для дзёнина незамеченным, и, вступив за порог зала, опустилась на татами.

– Явилась... – Переминаясь на плоской подушке, что скользила под коленями, он втянул глубже тошнотворный дымок. – Ну. Говори. Не только же ты пол сюда марать пришла, – добавил он, повернув голову, отчего повивальная, подобно подбитой собачонке, схватилась за ногу, из которой давно сочилась кровь.

– Прощения просим, господин.

– А... – брезгливо отмахнулся мужчина, и служанка затихла. – Она выжила?

– Мертва.

Недолгое молчание, раскалившийся на конце мундштука уголек, затем смолянистый выдох – и дзёнин в светлом полураспаханутом кимоно медленно поднялся на ноги, крепко сжимая кулак. Он был явно нетрезв. О том говорили плот-

ный перегар и открытый кувшин рисового спирта на низком столике.

– Так и знал, – стиснул зубы мужчина. Он пытался скрыть свое состояние, встав на ноги более чем решительно. – Значит, преодолевая боль и вытерпев все мучения, она напоследок подарила мне сына. Наследника... – утешил себя он.

Повивальная прикусила язык, громко сглотнув.

– Ч-что? – фыркнул дзёнин, ожидать от которого за дурные вести сейчас можно было чего угодно. Повивальная жалась. – Хочешь сказать, я был бессилен тогда и смог сотворить только девчонку?! – прохрипел он.

– Нет, господ...

– Наш род, – врезал он своей речью, как больной пощечинной. – Он еще никогда не был так опозорен! Женщина будет слабой наследницей. О, черти... и все это на моем веку. Какие же демоны захотят связываться с девкой? С самим воплощением слабости!

– Господин...

– Ты верно посмотрела? Может быть, сквозь темноту ты не недоглядела чего-то, а?

– Господин, это девочка! Прекрасное, божье создание...

– Ты, видно, шутишь надо мной? Божье... мы уж давно богам не молимся! – глаза дзёнина запылали огнем, по залу прошипели нечеловеческие ноты. – Вон! Поди вон! Все вон! Все-е!

Оставшись в одиночестве, дзёнин поддел пальцами узкое

горлышко кувшина и отяжелевшими, будто приросшими к мрамору ступнями, пошатываясь побрел в другую комнату, и повалился к очагу.

– И что ты мне оставила после себя, Саёри? Как могла ты так опозорить меня после смерти? – Сделав два больших глотка выжигающего горло спирта, дзёнин откинулся назад, прижавшись щекой к прохладному татами. – Я позволю себе сегодня плакать о тебе, Саёри, – еле двигал он челюстью, теряя каплю соленой влаги, что надоедающе долго скатывалась по лицу. Слезу не смахивал нарочно. Ждал, пока она, щипая, иссушит его кожу. По-своему прощался с женой. В голове мутно перебирались мысли: как хрупкая девочка сможет заключить сделку с демоном, который должен стать для нее соратником и помощником. Как защитит остров?

Ёкаев интересовали сильные волей и духом, сильные телом. Но никак не слабость этого тела.

Еще во времена первых варваров, когда на закрытый от мира остров Шэн пришли чужаки, предок дзёнина – Великий Кохэку – без устали молил богов помочь ему защитить свой клан, свой народ и свою землю. Он разбивал лоб о молитвенный камень, каждый день только больше теряя людей в жестоком бою стали и пламени.

И его плач был услышан однажды.

Демонами.

Кохэку заключил сделку с одним из них. Ему откликнулся Тэнгу. Он мог крушить варварские постройки, рвать лоша-

дей надвое, но Тэнгу, взамен на возможность поселиться на вершине горы Ояма и жить среди людей, дал кусок металла, который достал прямо из Царства Тени. Из одной части этого металла было наказано выковать меч. Имя ему – «Последняя тень». Тот, кто станет владеть этим мечом, не будет знать ни усталости, ни времени. Из второй же части металла смастерили тончайшие доспехи, что защищали все тело под одеждой.

Выбрав одного воина из своего клана, Кохэку удостоил его честью и отдал блестящие доспехи. За одну ночь варвары были изгнаны, а дзёнин и безымянный воин стали историей не только клана Зецуэй, но и всего острова Шэн.

Однако мало кто знает, почему на самом деле Кохэку отдал доспехи...

Глава 1

Человек из квартала удовольствий

Холодное железо камерной решетки грубо ударило по лицу молодого мужчины. Его нижняя губа брызнула кровью, будто на нее надавили, как на переспелую вишню. Надзиратель ударил со всего маху. Грохот разнесся по всей тюрьме, отчего вострепавшиеся заключенные стали встречать бедолагу потешными возгласами. Сплюнув, юноша оскалился, чем вызвал комичную улыбку еле протискивающегося меж стенами тюремщика.

– Ну что, трепач? Смотрю, пожёстче любишь?

– А ты жену свою спроси, как я люблю, – выдавил юноша сквозь зубы из-за решетки и, получив удар коленом по печени, вжался в нее еще сильнее.

– Больно тебе что ли, урод? Ничего! К утру тебя казнят, и твои муки закончатся.

– Мои муки закончатся, когда ты перестанешь набивать свой грязный рот рисом до отказа! Все не пойму, что ты мелешь, – насмехнулся заключенный, чуть кивнув надзирателю. – У тебя рис над губой, вот здесь.

Грузный мужчина оторвал болтуна от решетки и с легкостью впечатал в нее вновь. Парень обмяк, и лишь затем огромные руки надзирателя, похожие на ковши, закинули бездыханное тело в грязную камеру.

– Поспи-ка, трепач. Устал я от твоей болтовни.

– Кого это к нам в камеру привели? Не поделишься, Коги?
– зашипел один из заключенных.

– А ну тише тут! Разорались! – шарахнул кулаком по соседней решетке Коги. Любил он руки распускать. Его лысина блестела, как блюдо, облизанное им же после жареной свинины. Он был и человеком-то мерзким, так что о его должности было бы лучше умолчать. Будучи мелочным и жадным, Коги больше всего не любил, когда задевали его самолюбие. Надо сказать, такое и трогать-то не шибко хочется, но для заключенных, которые задерживались в подобных камерах совсем недолго, Коги был информатором, большим человеком, как ни крути! Серьезная должность, требующая недюжинной сноровки, ведь подобно разбойникам в этих стенах, информаторы живут с ними примерно наравне. Иногда и дольше, конечно. *Так утешают себя каждый раз те, кто приходит сюда.*

Коги снова жажнул кулаком, решетка с грохотом сотряслась, и галдеж поутих.

– Хотите информацию – цену вы знаете, – распетушился важный надзиратель, что только приблизило его кончину.

Мелочный народ эти заключенные – сборище воров и убийц. В дальнем темном углу, порознь друг от друга, пристроилась банда налетчиков, которых обвиняли в шпионаже. Любой уважающий себя синоби вздрогнул бы от ужаса: кривые и косые, с гнилыми пальцами и вытекшими от неумелых

драк глазами, в рванине... одним словом разбойники – не шпионы! Но властям города все равно. Не умеют они отличать благородную профессию от уличного сброда.

В общем, хлебом не корми этих разбойников, только свежее новости подай! Даже с петлей на шее слушать будут. И что же? Похлопали по дырявым штанам, скинулись и зазвенели монеты в кошке у тюремщика. Доволен тот собой, точно доволен!

А трепач все бездыханно на полу валялся, лицом прямо в раскисшей жиже.

– Слухи тут ходят, что «Последнюю тень» снова видели, – приглушенно сказал один из заключенных.

– Бреешь! – зашипел второй. – «Последняя тень» на то и последняя. Видел ее тот, кто смерть свою от нее встретил. Говорят, это молодой мужчина в черной маске с широкими плечами, – нервно подергивал он свою хлипкую бородавку грязными костлявыми пальцами.

– Тьфу ты, мужеложец проклятый! Чтоб тебя! – замахнулся из соседней камеры третий. – Всю фантазию мне испортил!

– А я-то что? Говорят так!

– А ничего. Меня повесят на днях, а ты тут со своими замашками! – зажмурился третий, а затем облизался, будто смаковал заморский гостинец. – «Последняя тень», «Последняя тень» – это милая дама с волосами словно ночь, запахом, как жасмин, и расписным кимоно, которая дарит

сладкую смерть...

– Да, конечно! Размечтался! – снова перебил второй. – Вот только будет не сладко! Тебя поставят раком, снимут штаны и...

– А ну, молчать! – пробасил Коги, и тяжёлый гул провибрировал по темнице. – В общем так. За что уплачено, о том и посудачено! Не знаю я никакую тень, но если вы намекаете на того языкастого хлыща, то очень зря, – он указал пальцем в сторону камеры с трепачом. – Эта грязная рожа – Ютака Мидзуно. Он пьяница и дебошир. Устроил погром в квартале удовольствий, порвал дорогое кимоно госпожи Ян, требовал обслужить его бесплатно! Столько шороху и хлопот он доставил, пока я вез его сюда, зараза... – схватился за переносицу тюремщик, драматично прикрывая глаза.

– Странно, впервые слышу о нем, – настороженно чесался второй. – Но он ничего... вкусный.

Тюремщик скривился.

– Я твою рожу поганую тоже вижу впервые. Ты кто? – осветил огненным фонарем на узника Коги. Тот недовольно поморщился, только сильнее расчесывая лицо, будто от волнения. – А ну! Покажи мне свою морду. – Чесоточного, как подменили. Рвано дергаясь, тот стал расчесывать себе плечи. – Что это с тобой? Больной что ли? – готовился наклониться информатор, но замер, вновь услышав самодовольный, игривый голос, который ранее многие в темнице уже запомнили.

– Не стоит этого делать, поросенок, – протянул доволь-

ную улыбку Ютака, завалившись на пожухлый кусок спрессованного сена.

– Чего? Ты это мне? – фыркнул надзиратель. Казалось, ему послышалось. Фонарь от его долгой болтовни почти истлел, да и в темнице стало странно тихо.

– Руки убери от него, говорю. Иначе умрешь, – тешился парень, упорно выковыривая забившуюся грязь под ногтями.

– Смеешь мне угрожать?

– Да что ты, кто я такой? Знаешь, я с удовольствием поболтал бы с тобой и твоим ожирением, но боюсь, что прямо сейчас... тебе откусят руку.

Хруст переломленных костей пришелся к словам Ютаки так же удачно, как к обеду аперитив. Он поймал острое ощущение чего-то, что уже видел сегодня: по железной решетке брызгала кровь, а вопль, который поднялся в темнице, походил на хоровое пение. Стоило бы отметить, что натужный вой Коги брал самую высокую ноту, а его довольно мясистую руку в углу наскоро доедал тот самый мужеложец из банды так называемых «шпионов».

Вот тебе и благородные синоби.

Сколько еще из той банды придется покромсать, Ютака не знал; заказ был лишь на одного – худого типа, что бесконечно чесался. Немудрено, ведь сидеть туше демона в теле такого хлипкого человечка, долго не выдавая себя, – довольно сложная задача. И как он только уместился там?

«Зуб, должно быть, нескончаемый...» – подумал Ютака и, вздрогнув, поднялся на ноги.

К моменту, когда туша тюремщика повалилась от боли на колени, а чесоточный, чтобы откусить своей добыче голову, стал просачиваться сквозь решетку, упавший в грязь фонарь опасно зарябил, намекая так на свою скорую кончину. Эта рябь стала целым светопредставлением для заключенных. Они в панике забили по решетке сильнее, кричали громче обычного, вдруг кто услышит? Вдруг охрана спустится, чтоб спасти их? Такой исход был бы подарком судьбы. Но нет.

Дело в том, что в такой час Коги уже давно должен был пить рисовый спирт вместе со своими товарищами в трактире за углом, но сегодня любитель звона монет и рассказов на ночь припозднился. Так было уже не раз, поэтому дожидаться этого поросенка никто не стал, и, оставив главный проход открытым, вся охрана ушла набивать брюхо ужином, даже не догадываясь, что сегодня Коги и сам им станет.

– Мра-а-азь! Отпусти! – кричал надзиратель, когда чесоточный добрался до него. Кожа на тощих расчесанных руках стала трескаться, ссыхаясь с каждым морганием фонаря все сильнее. Еще чуть-чуть и явится прожорливый...

– Покажись-покажись, – выжидал Ютака в нетерпении, опираясь руками на решетку. Но что-то шло не так. Хлипкое тело мужеложца распирало, трещало, как набитый льняной мешок, но тот, кто сидел внутри, нарочно оставался там и

дальше, продолжая лакомиться человеческой плотью. Вопли тюремщика стихли. Жаль поросенка, ведь Ютака сам мечтал оторвать ему уши. Однако те были уже обглоданы, как и лицо бедняги. – Ну чего же ты медлишь, мерзкая морда? Покажи себя!

– Жрать! – плевался кровью чесоточный и продолжал громко чавкать, держа голову надзирателя в трясущихся руках. Его челюсть уже отвисла, а собственные зубы, и так, гнилые, между прочим, были проглочены вместе с останками Когги.

И сколько же он сидел в этом теле?

– А-а-а, так ты голодный?! Небось, так бы и прятался в доходяге дальше, но почувствовал меня и решил показаться во всей красе.

– Я хочу жрать! Мясо! – чавкал деснами чесоточный.

– Ууу, да ты прям прелесть!

Запахло не только свежей плотью, но и человеческим дерьмом. Видать кто-то здорово обделался, наблюдая такое зрелище.

Ютака устало вздохнул, когда фонарь погас полностью. Крики заключенных утихли. Похоже, они неизбежно ждали своей кончины, трогаясь рассудком.

– Ла-а-адно, – зевнул трепач. – Думал прикончить тебя здесь, в этой камере, но ты решил поиграть в кошки-мышки... – он щелкнул пальцами, и на фаланге указательного загорелся огонек. Ютака запустил тот в воздух, а затем, дунув

на пламя, увеличил его в размерах. В камере стало светло, но слишком тихо. Наскоро щелкнув пальцами еще пару раз и устремив огонь по камере, любопытно выглянул из решетки.

– Эй, уродец! Держи голову, я выхожу! – схватился он за кривые прутья металлической ограды. Старая краска с нее слезла сразу, а сталь раскалилась, приобретая желто-красный оттенок. – Лишь бы ты не додумался сбежать отсюда, маленький засранец... – стиснул зубы Ютака и раздвинул размякшую от температуры решетку.

Атмосфера приобрела более суровые краски. Разодранные куски тюремщика, несусветная вонь и лужа крови, смешанная с натоптанной башмаками грязью.

Ютака пустил парящий над головой огонек в каждую камеру по очереди. Пусто. Только дрожащие от страха заключенные. Они сидели, как один, поджав под себя ноги и упирая узкие лбы в колени, но Ютака точно ощущал здесь демонов.

– Куда он подевался? – обратился он к заключенному и присел на корточки пряча в рукав камень, на который наступил нарочно. – Эй, ты слышишь? – тот стал рвано дергаться, а затем его голова вытянулась, уперев сверкающий красный взгляд на своего оппонента.

– Вот и ты... заклинатель огня, – Ютака непонимающе хлопнул глазами. – Мы искали тебя, – прошипел заключенный, не моргая. В его полураскрытых веках Ютака сразу раз-

глядел одержимость.

«Еще один, что ли?»

– И чего вам надо?

– Ты отрекся от клана. На тебя идет охота. И мы с радостью полакомимся тобой.

– Че-го? От какого еще клана? – пропуская мимо ушей следующее, возмутился заклинатель. Ни к какому клану он не принадлежал. Во всяком случае, думал так до этой минуты. – И сколько вас, охотников?

– Посчитаешь сам, – твердо прохрипел заключенный, и Ютака обернулся. К решеткам стягивались узники. Теперь они не кричали и не бились в истерике. Глаза их горели точно рубины, в которых ярко читался голод.

– Чертовы демоны...

«Да тут человек десять, не меньше! И как вынести всю эту толпу?» – наспех обдумывал заклинатель.

– Годами ты убивал нам подобных, ставил ловушки, но теперь мы поменялись местами.

– Все это представление для меня одного? Сколько чести! – отшутился Ютака.

– Всё смеешься?

– Ну что вы! Я просто жду, когда вы закончите бесполезный треп и покажете уже свои настоящие рожи! – сквозь зубы процедил Ютака и, подпрыгнув, закинул узнику за шиворот камень, который успел раскалить руками. Демон зарыдал так, что пришлось прикрыть уши.

Почти каждый ёкай, пришедший из Цартсва тени со своей отличительной чертой! Этот, к примеру, крикун. Такие, как он, с легкостью оглушают свою жертву, повышая рев до тех пор, пока мозги не превратятся в кашу. Но самое неприятное то, что он не умеет охотиться один, он альфа. Пока крикун заливается воплем, стая, что подкрадывается сзади, нападает, раздирая тело в клочья.

Дождаться, пока этот уродец поменяет частоту звука, Ютака не собирался, поэтому пламя, что освещало камеру, переместил в открытый рот ёкая, а затем сомкнув большой и указательные пальцы, дунул сквозь них, и крикун загорелся изнутри. Сородичи отреагировали тут же. Из тени показался чесоточный.

– Иди сюда, сладенький! Ты мне по вкусу, – облизнулся он и остатки растрескавшейся кожи на иссохшем теле попадали в грязь. Демон вытянулся, став вдвое больше. Красная кожа, длинный, ничем не прикрытый нос и выпирающие закругленные зубы, торчащие вверх из пасти.

«На нем нет маски, значит он простой ёкай. Но убить его все же придется».

– По вкусу? Да неужели?! Вот теперь я могу работать! – довольно облизнулся заклинатель и, схватившись за плечо демона, кувыркнулся вокруг него, легонько пробежавшись ногами по решетке и потолку. Плечо, будто резиновое, вывернулось назад, но демон не отреагировал. Его тело было мягким, как рыбный студень. Так он и вылез из-за решет-

ки: выждал подходящее время, отвлек тюремщика речами о «Последней тени», чтоб задержать его в темнице, а затем, когда тот не признал в нем заключенного, легко напал и просочился сквозь железные прутья, чтобы доесть Коги.

С каких пор эти морды научились мыслить?

Быстро смекнув, что перед ним стоит демон-лизун и пытаться нанести ему увечья не получится, Ютака толкнул того в крестец. Нога утонула в его плоть по щиколотку, однако Ютаке удалось отпихнуть его.

– Добавим огоньку! – выдавил он усмешку, и раскрыв ладонь, снова сомкнул пальцы, чтоб выдуть сквозь них драконье пламя. За мгновение оно пожрало чесоточного целиком. Демон закипел и на глазах стал плавиться, растекаясь по полу.

Столб огня задел камеры. Он буквально выкуривал из них всю охотничью стаю. Демоны показывали свои настоящие облики один за другим и нападали синхронно, прыгая на Ютаку. Пламя отбрасывало их, не давало как следует подступиться, но сколько бы заклинатель ни старался, сколько бы ни искал, всё не мог найти среди них того, кто носил маску. Пока вожак жив, демоны будут восстанавливаться снова и снова.

Огонь распространился почти по всей тюрьме и стал коптить, отравляя ядовитым газом. Повязка, которую Ютака надел, перестала спасать его от гари. Легкие сжимались.

«Я должен убираться отсюда!» – кричал собственный голос в мутной голове, но рассудок понимал: если не убить этих чертей – они будут искать его даже на другом континенте.

Сжав в кулак ускользающую надежду на спасение, заклинатель снова изрыгнул пламя, но уже поверху, отвлекая этим демонов, а сам нырнул им под ноги и скользнул к закрытой бочке с жиром, что стояла у выхода.

«Для этой малышки не хватает искры».

Первая дверь темницы отворилась, впуская тягу, и стая превратившихся охотников стала ломиться наружу, топча друг друга в узком проходе. Ютака же рванул к выходу, уже вдыхая ворохи свежего воздуха. Когда демоны были ближе всего к бочке, он чиркнул ногтем об каменную перегородку и швырнул туда искру, как следует приготовившись протаранить своей головой дверь.

Взрыв не заставил себя ждать. Тяжелый и мощный, он разметывал демонов на куски, вытесняя отравленный газ и пламя туда, где был воздух – наружу. От ударной волны заклинатель вылетел из тюрьмы, как надоевший на заднице прыщ.

Откинувшись с живота на спину, он открыл глаза и рассмотрел тусклое звездное небо. Из-за вечно горящих фонарей оно было не таким красивым в этом городе. А тут еще и полыхающая тюрьма, что освещала его теперь до белых мушек в глазах.

Однако, разлеживаться нечего.

Пока не набежал правопорядок и куча любопытного народу, вымотанный заклинатель пламени скрипнул зубами и поспешил подняться. Его правая нога, казалось, вывернута от неудачного приземления. Наскоро осмотрев ее, Ютака поднялся со втопанной дорожки и захромал к выезду из этого города, утирая чумазные щеки.

В таком виде: с рваными, местами обожженными штанами, воняя гарью за версту, его вряд ли приветливо выпустят из города. Поэтому, решив для себя обойти жилые небедные кварталы, Ютака урвал неплохие широкие брюки хакама и плотный запахивающийся жакет уваги. Обувь пришлось оставить свою, а сбить вонь в небольшом ручье на заднем дворе у тех же хозяев брюк и жакета. Не то чтобы у такого, как Ютака, совсем не было совести. Пару раз он даже порывался извиниться перед добрыми людьми, но хозяев дома не нашел. Наверняка это из-за ежегодного весеннего праздника, что проходил на центральной площади. *Или из-за тюрмы, взрыв которой было слышно в соседнем городе.*

Через сутки после совершенного, трясаясь в кочующей повозке вместе с табором чужеземцев, Ютака раздумывал о содеянном. Денег от подставной сделки он не получил, в тюрьме шороху навел, поэтому его непременно станут искать по всему острову. От людей скрыться просто. Куда хуже, если на хвосте теперь целая стая охотников. Пока не разбита маска Они – чудовища из преисподней будут преследовать его,

искать по запомнившемуся запаху, по лицу, которое Ютака так любезно всем им показал. Но что им нужно? О каком клане они несли, если полжизни заклинатель пламени скитался в одиночестве?

Ютака прищурился, наблюдая, как быстро лес меняется с бамбукового на вечнозеленый. Запах влажного мха и широколистных растений после дождя проскользнул рядом, будто что-то знакомое, родное.

«Здесь так тихо. Хочу остаться в этой глуши. Хватит бегать».

Глава 2

Безымянный – значит, без имени

Хлипкие колеса повозки со скрипом бились об маслянистую дорогу, пропитанную дождями. Немного отодвинув влажную, давнопотерявшую яркий цвет ткань полога, Ютака озирался на въезд в город, в котором решил укрыться. Теперь он беглец, хотя его образ жизни и без того частенько принуждал перемещаться по острову. Долго задерживаться на одном месте у заклинателя вряд ли бы получилось, ведь работа ловца демонов подразумевает под собой постоянные скитания из города в город. Только так он умел зарабатывать себе на жизнь и временный кров.

Сколько помнил себя, он всегда был один. Не имел возможности обзавестись друзьями или привести домой девочку. Да и дома то у него никакого не было. Лишь часто меняющиеся постоянные дворы, трактиры в кварталах удовольствий, а когда денег не было совсем, то и хозяйские сеновалы, в которых приходилось укрываться по ночам, греясь там с крысами.

Такая жизнь у Ютаки началась ровно в тот день, когда он очнулся в каменном темном гроте, не помня самого себя. Его длинные, пропитанные грязью и спекшейся кровью волосы противно налипали на лицо. Во рту стоял металлический привкус, а тело саднило, будто им расчищали только

выструганный пол. Туго свернув пальцы в кулаки, он пополз к еле заметному пятнышку света, макая лицо в жирную грязевую лужу, как макают кисть в краску. Ноги не слушались, они онемели. Как долго его бездыханное тело пролежало в этом месте, Ютака не знал. Не знал и своего имени. Лишь тогда, когда капель со склизких камней перестала бить ему по темени, когда удалось выползти из пещеры и разжать руки, он увидел три символа имени на своей ладони, нацарапанные древесным угольком. Уже позже, когда чувствительность к ногам полностью вернулась, безымянный воин чудом нашел поблизости водопад в небольшом ущелье. Он долго тер въевшиеся в кожу символы, которые все никак не хотели счищаться.

О чем ему должно говорить это имя?

Быть может, так звали предателя, который безжалостно расправился с ним, оставив умирать в пещере? Или мерзавца, что затеял драку в каком-нибудь из трактиров и отбил ему голову? Парень точно не знал, но это имя пришлось ему по душе и он решил назваться им сам.

Выцветшая, будто облитая растворителем одежда не могла точно сказать, к какому сословию он раньше принадлежал. Сколько бы не стирал ту, сколько не искал нашивки или метки о том, кем был раньше – все было тщетно. Кто-то нарочно не оставил ни следа о его прошлом существовании.

Но одно Ютака все же понял сразу: он заклинатель огня. Кровь в его венах была горячее, чем у обычного челове-

ка. Она струилась лавой, обжигала нутро каждый раз, когда он злился. А в теперешнем подвешенном состоянии, злился Ютака постоянно. Глаза легко могли налиться пламенем светом, пальцы закипеть. Долгие годы ушли прежде, чем заклинатель научился контролировать дарованную силу.

С работой ловца он познакомился случайно. В одной из забегаловок произошло нападение на хозяина. Тот, повздорил с клиентом, отказавшись наливать ему взаймы и демон, сидящий внутри у пьянчуги, показался во всей красе. Это был демон-мелочник. Один из низших Они. Такие, как он, подсеялись к слабым, в основном висающим на стакане, людям. Они доводили до убийств, шептали на ухо, но продолжали сидеть внутри питаясь своей жертвой до последнего.

Слухи о безымянном воине и о спасении трактирщика обогнули не только все поселения, но и поползли в другие города. Кто-то даже стал называть его «Последней тенью», всерьез думая, что былая легенда о том воине ожила на их веку.

Город Весенних листьев встретил Ютаку пакостливой моросью и тяжелыми свинцовыми тучами, так низко опустившимися на кровли домов. Поблагодарив кочевников-чужеземцев, что добродушно согласились подвезти его в обмен на помощь в рубке леса, Ютака откланялся и побрел в оживленный квартал, чтоб прикупить на оставшиеся гроши рисовых лепешек. Живот предательски урчал, а слюны во рту заметно прибавилось, когда в нос проник запах горячей еды. Ры-

ночные кварталы особенно славились уличной пищей. Здесь можно было увидеть все! От кипящего бульона мисо и тянущегося в бурлящей воде удода до сладких рисовых десертов, которые побуждали у бродяг воровские наклонности.

Ютака втянул носом глубже, чтоб запомнить этот аромат, и закусил суховатой лепешкой, что купил у одного из лавочников.

«Еще горячая», – утешился он, аккуратно пережевывая.

Но истинная суть его нахождения в этом квартале заключалась не в усладе брюха.

Он пришел сюда слушать.

Усевшись на каменный выступ прямо напротив лавочников с сырой рыбой, Ютака укусил пищу, и зачесал пятерней выбившиеся на лоб пряди длинных тёмных волос. Те непослушно торчали, ненадолго прилепившись к уже засаленной голове.

Треп торговцев не прекращался ни на минуту. Даже заворачивая рыбу, они продолжали судачить о происходящем в этом городе.

– Слышал, искусница Дано вчера снова выступала в Чайном доме господина Йо? Давно она не показывалась. И сегодня там танцевать будет...

– Поговаривают, она дела заимела с одним из солдатиков, который на службе у градоначальника числится.

– Кто знает, где она была и осталась ли искусницей, а не превратилась в шлюху. Думаешь сможет этот солдатик за нее

долг перед Окия выплатить? Да ему денег в жизни не хватит! Даже, если он с демоном под руку пойдет, – загоготал лавочник, а Ютака напрягся.

– Смешного мало, Кинто! – подпрыгнул второй, плюясь. Но тут же придвинулся и продолжил шепотом. – Частенько в том квартале люди пропадают, а Йо все слухи отрицает, хотя его Чайный дом ни раз уж в это дело был втянут.

– А господина Йо ты сюда не приплетай! – прыснул первый. – Благородный человек! И жена его на редкость порядочная госпожа! Лично чести удостаивался с ним чай пить! Хороший он человек! Чушь не неси!

Торговцы отмахнулись друг от друга и, сделав вид, что не знакомы, разошлись каждый по своим делам.

Ютака прищурился, ниже опуская голову.

«И здесь демоны...» – вздрогнул он и, ощутив смрад от разговора кожей, засунул в нагрудный внутренний карман жакета остаток лепешки и оторвал затекшую пятую точку от каменного ограждения.

«Пора наведаться к господину Йо».

Не то чтобы Ютака искал приключений, но в кармане было пусто, а зарабатывать монеты, что так приятно звенели после уничтожений демонов, было необходимо. Позволить себе воровать ничего, кроме одежды, он не мог. К тому же, уехал довольно далеко оттуда, где началась охота на него, так что слухи о безымянном воине доползут до тех мест намного позже, чем он успеет убраться из этого города.

Чайные дома по какому-то ироничному совпадению находились всегда рядом с кварталом удовольствий, а отличить искусницу от дорогой проститутки незнающему глазу было просто невозможно. Поэтому уважаемых людей, приходящих в сопровождении женщин, всегда пускали без косых взглядов. Удобно, ведь услуги искусниц стоили намного дороже, а главным отличием одной от другой было то, что первая развлекала мужчин танцами, игре на инструментах и беседами. Проститутки же тоже имели незаурядный ум, устраивали представления, но окончание вечера любой господин мог позволить себе провести в ласках и ублажении той, за которую заплатил. К искусницам же прикасаться было строго запрещено. Дозволялось любить только их образ и след.

Встрепенувшись, Ютака побрел к приятным глазу постройкам, утопая сандалиями в грязевых лужах.

Благородные крыши из расписной черепицы, ровные глинобитые стены, отделанные крошкой гравия естественной окраски, усиленные гладкими полированными бревнами, удивляли своей роскошью. И, конечно, каждый Чайный дом был по своему украшен ухоженным садом.

«Дом Цветочного ветра» – так называлось заведение, которым заправлял господин Йо. Об этом Ютака дознался у одного из покупателей на рынке, отдав ему последнюю пару медяных монет.

Огни в этом квартале уже зажглись, а это означало, что

дома открыли свои двери для гостей. Сады их горели от фонарей один ярче другого, зазывая послушать сямисэн и выпить теплого рисового напитка.

Ютака осторожно ступил на мягкую тропинку, ведущую ко входу, но порог домика ему преградил среднего телосложения мужчина, с тонкими прямыми усиками и круглыми очками из черепахового панциря с жесткой перемычкой. Он слащаво натянул улыбку, оглядев Ютаку снизу вверх:

– Прошу прощения, господин, – сощурился мужчина, поправляя тряпичную шапчонку на голове, завязанную на затылке. Из-под нее заворачивались немного торчащие волосы до плеч. – Я могу чем-то помочь вам?

– Да, – утер нос Ютака, бесцеремонно шмыгнув ноздрями. – Отойдите в сторону, – дернулся он с места, чтоб пройти дальше, но твердая рука незнакомца плотно уперлась в его грудь.

– Простите господин, – раздражающе улыбнулся очкастый, корча добродушного. – Не могу, – пожал он плечами.

– Да? Отчего же?

– Боюсь, что вы перепутали заведение. Квартал удовольствий находится на соседней улице.

Лицо Ютаки приобрело розовый оттенок. Да кто этот хмырь, вообще?

– Я хочу войти. Гос-с-сподин, – скрипнул заклинитель, чувствуя, как все ближе в груди подступает жар. То была не магия, а обычный гнев. Захотелось ударить этого лицемера

по его скользкой роже. Хлипкие усики очкастого дернулись, но свою физиономию он не поменял.

– К сожалению, господин, я не могу пустить вас внутрь. Все места заняты, сегодня полный зал.

Начинать свое знакомство с господином Йо с мордобоя в его заведении было бы неучтиво, но рука чесалась все сильнее. А может это и есть сам хозяин? Тогда Ютака точно пропал!

Видно, визитной карточкой этого Чайного домика было лицемерие, поэтому заклинатель решил не отставать от этого хлыща. Предварительно сглотнув слова, которые хотел бы сейчас сказать очкастому, он умерил пыл и притворно улыбнулся.

– Могу я увидеть господина Йо?

«Ну сейчас то он точно успокоится».

– К сожалению, нет, – еле дернул губами этот ненормальный. По всей видимости, он искал приключений на свою ж... – Но вы можете обратиться ко мне с интересующим вас вопросом, господин.

– Я к нему лично, гос-сподин, – выдавил последнее Ютака, свернув кулаки и очкастый заметил это. – По работе, – добавил он.

– Что ж, – незнакомец поднялся на ступеньку выше, сравниваясь с Ютакой. – Если нам понадобятся работники, мы подадим объявление. – кивнул он, снова дернув усами и за-

двинул двери прямо перед носом Ютаки.

– Т-ц... – вздрогнул заклинатель и еле удержался, чтоб не ударить что-нибудь со злости.

Ничего теперь не оставалось, как найти трактир, чтоб за чей-нибудь счет хорошенько надраться рисового спирта.

Так и получилось. Добравшись до квартала удовольствий, Ютака нашел неплохого спонсора-простофилю, который сегодня выиграл в кости и, забрав добрую часть своего выигрыша, раскидывался выпивкой, ожидая первую освободившуюся проститутку, на которую решил спустить оставшиеся монеты. Ютака такого дурочка высмотрел сразу и без стеснений втерся к тому в доверие, рассказывая интересные байки, которых когда-то наслушался в разных частях острова Шэн, выдавая их за свои.

– Вот сейчас я, ой, – забористо икнул сизый крепкий мужичок, в простой, но чистой одежде, который представился Хиро при встрече. – Сейчас освободится моя девочка, и я пойду к ней в объятия! Хочешь со мной? – обратился он к Ютаке, который назвался бродягой Рэем. А ведь и правда, от бродяги его сейчас совсем не отличить. Его нормальная одежда здорово подгорела в той темнице, а нынешняя истерлась и запачкалась от постоянной работы в лесах. Да и вонял он сейчас просто зверски. Немудрено, что тот очкастый не пустил его на порог Чайного дома.

– Э-э, нет, – отмахнулся заклинатель. – Куда мне, глянь на меня. Любая девка испугается. Лучше налей еще.

– Наши девочки очень ласковы, поверь! – подлил Ютаке сизый. – Вот выиграю еще и заберу из Окия госпожу Дано, – уверенно хлопнул в ладоши Хиро. Заклинатель протрезвел. А ведь это имя он уже слышал сегодня от лавочников.

– А что, – запροкинул Ютака глиняную стопку, и спирт, обжигая разошелся в груди. – Так и уж хороша ваша госпожа Дано?

– Не то слово, друг! Только от ее открытых запястий набухает все внутри, а волосы, эта шикарная черная копна, такая блестящая! На прошлом весеннем празднике она выступала последней. Так о ней узнал весь город! Она танцевала на фоне летающих огней, что стали взрываться раньше положенного момента. Все мы так и обомлели тогда! Прекрасна! А знаешь, ведь это затеял ее покровитель...

– Покровитель? У нее он есть?

– М-м, – Хиро задумчиво почесал подбородок. – Думается мне, что в ту ночь он им и стал. Поговаривают, что и покровитель у Дано не один... В ее Окия в тот год сменилась матушка...

– А потом она пропала... – добавил Ютака, пытаясь сложить по порядку картину произошедшего в своей голове.

– Ты уже слышал эту историю?

– Нет, – кашлянул в руку заклнатель, и алкоголь в его крови истлел. Он ясно чувствовал, что демоны приложили свою руку к этой истории. – Просто предположил. Скажи мне, друг, – потрепал Ютака Хиро за плечо, – А часто ли по-

сле этого госпожа Дано выступала в Доме Цветочного ветра?
Рэй отмахнулся нахмурившись.

– Да кто знает. Я в том квартале был пару раз, когда работал на службе у градоначальника... Но потом...

Договорить Хиро не успел. Двери низенького домика открылись и оттуда вышел мужчина, а за ним – морщинистая дама, которая подозвала сизого к себе манящим жестом.

– Прости, друг! Та девочка зовет меня. Видимо уже освободилась!

– Девочка? – сморщился Ютака. – Эта?

– Ты что? Она горяча, как лесной пожар! – вскрикнул Хиро и приблизился к уху Ютаки. – Я закрываю глаза каждый раз, когда она делает это ртом, и представляю госпожу Дано, – подмигнул он напоследок. У заклинателя свернуло лицо, как от недоспелой ягоды. Во рту начало вязать, кислый привкус подступил к глотке. Хиро ушел к своей «девочке» чуть ли не вприпрыжку, оставив своему новому другу почти полный кувшин с рисовым спиртом и многообещающую улыбку.

Напиток больше не лез, а вот желание отлить скопившуюся внизу живота жидкость нарастало.

Чтоб найти в такое время укромный свободный уголок, пришлось постараться. Ночью город зажил совсем другой, разгульной жизнью, пропитанной вонью крепкого перегара и распутных девок. Огни в квартале горели не так ярко, как на улице Чайных домов, но смех и веселье лились из каждого угла.

Ютака привык к подобному обществу, но даже он признал, что в городе Весенних листьев самые жаркие ночи. Подавив зевоту, попутно раздумывая над тем, где ему придется спать сегодня, Ютака пристроился к хлипкому бамбуковому забору в покосившемся пустом переулке, чтоб справить наконец нужду.

«Духи! С ума сойти, единственный пустой переу...»

Он замер.

Мимо него мелькнула тень. Поступь ее была женской, но кажется, она совсем не обратила на его присутствие никакого внимания. Да и с чего бы? Заклинатель в тени, срам прикрыт. Когда он услышал голос, то машинально ушел глубже в тень. Притаился.

– Госпожа Дано! Госпожа Дано, постойте! – доносилось эхом ее имя. Тень мелькнула снова и ускорила шаг.

Наскоро стряхнув, Ютака стал красться вдоль забора.

«М-м? Дано? Быть не может... Что она делает в этом квартале, да еще в такое время?»

Давно за полночь, скоро рассветет, а госпожа, скрываясь за черным капюшоном, убегала от кого-то в такое время. Благо голос догонявшей был женским и юным, хотя бы поэтому Ютака боялся показываться сейчас – не хотел напугать.

– Госпожа Д...

Крохотная, наверняка нежная рука накрыла губы молодой девушки в цветастом кимоно с золотыми журавлями.

– Тише, не называйте мое имя в этом месте. – госпожа мягко отстранилась назад. – Мне не нужны лишние проблемы...

– После выступлений вам положено вернуться к господину Каматори. Он невероятно зол на то, что вы ослушались и нарушили его запрет.

– Я не вернусь в Окия. Я не могу...

– Вы обязаны моему господину! Вернитесь, не заставляйте применять силу, – произнесла низенькая девушка, которая видом своим не вызывала и малейшей угрозы. Ютака сощурился, чтоб присмотреться к ней. Тусклый свет фонаря задевал только край её щеки. Лицо оставалось не тронутым светом. Она стояла довольно далеко, но издали можно было разглядеть, как спокойно коснулась плеча госпожи Дано, опуская большой палец на ее ключицу. Даже немного погладила, отчего в Ютаке зажегся интерес, но затем он втянул носом воздух.

Яркий запах мочи вперемишку с цветущими деревьями и собственный перегар заглушили в заклинателе чутье ловца.

Смрад!

«Вот же проклятая...»

За простым, казалось, движением последовал противный

хруст, который донесся с приличного расстояния. Дано сдавлено вскрикнула, выгнувшись от боли. Сомнений теперь не было: рядом с искусницей стоял ёкай, прячущийся в невинном теле молодой девчонки.

Одержимая задрожала, изо рта потекла слюна.

– С удовольствием сожрала бы тебя сама, дрянь! Но ты не принадлежишь мне, – облизнулась она, продолжая нажимать на ключицу Дано.

Госпожа закусила рукав кимоно простонав в него.

– Ну что? Сейчас ты пойдешь?

– Размечталась, фантазерка!

Ютака показался на свет одного из фонарей. Демон зашипела. Да, это было женская особь. Химера – так звали этих тварей. Они легко могли сойти за искусниц или их древнейших сестер. Ютаке встречалась парочка подобных на севере. Близняшки. Те твари оставили своим шиповидным хвостом на его спине напоминание о себе. Но самый ужас в том, что химеры ядовиты. Не смертельно, но понадобятся долгие недели, чтобы рассеченная их хвостом плоть перестала мокнуть и зажила. Невыносимая, обжигающая боль и куча примочек в придачу – вот что может ожидать каждого ловца после схватки с ними. – Ну что? Так и будешь пялиться или нападешь? – прыснул Ютака. Химера вывернула бровь. Отлепив костлявые пальцы от плеча госпожи Дано, она оберну-

лась через плечо. Дано повалилась на землю с еле слышным писком.

В глазах демона заиграл интерес.

– О, ты один из тех жалких ловцов, которых я частенько перевариваю в желудке? – облизнулась химера.

– Да! То есть нет! Я не вкусный, а беседы с тобой утомляют. Ты будешь нападать? – скорчился заклинатель, и химера приготовилась, чуть присев.

– Какой нетерпеливый. Так уж и сразу... – протянула она эти слова, и сжав кулаки надулась, как рыба фугу. Шелковое кимоно разошлось на ней на лоскуты. Синее шиповидное тело с длинным острым хвостом и плотной маской на лице вытянулось, затрещав костями.

– А ты шустрая, крошка! Личико свое ты мне быстро показала! Как собираешься его прятать, когда закончишь со мной? Хочешь влезть в тело этой девчонки? – он кивнул на Дано.

– Не твое дело, собака!

– Фу, как грубо, – отмахнулся Ютака, качнув головой. – Я думал поболтать. Стало интересно, куда ты отправишь свою... – он всмотрелся на ее массивный хвост и кашлянул в руку. – ... шикарную попку, когда получишь трофей? Где спрячешься? Но раз ты такая грубиянка... – голос ловца стал совсем низким. – Нападай.

Тянуть со схваткой было никак нельзя: похоже, ключица

Дано сломана, да и развязать демону язык удавалось очень и очень редко. Однако попытаться все же стоило.

Химера кинулась вперед, сделав обманный выпад, но Ютака уже знал: она не станет играть по правилам. Прокрутившись вокруг себя, заклинатель пустил пару дымных шаров, чтоб сбить демона с толку и поджег ей волосы, которые иногда присутствовали на головах этих тварей. Противный крик разрезал весь квартал. Времени на победу оставалось еще меньше – скоро сюда сбегутся люди.

Воздух окутала густая вонь – запахло паленой свиньей. Ютаку заворотило. Подавив рвоту, он разбежался к демону, чтоб ударить, но химера увернулась, залепив ему в грудь хвостом, как бичом. Прозвучал громкий шлепок, а затем тело заклинателя, пробороздив землю, молниеносно, как пружина, подпрыгнуло на ноги.

– Ладно, милая! – утер он щеку рукавом. – На нашем с тобой, первом и, надеюсь, последнем свидании... – протянул заклинатель и сомкнул пальцы. – Предлагаю посмотреть на дыхание дракона!

Химера не ответила, лишь расправила плечи, закинув руки назад, и понеслась на заклинателя. Столб пламени выстроился перед ним. Кожа ёкая горела, плавилась маска, но она продолжала бежать. Заклинатель дул сквозь сжатые пальцы, все ярче заставляя огонь полыхать, но, когда синее тело химеры показалось из пламени, он подпрыгнул так высоко, как смог, и попавшись в острые когти демона, хоро-

шенько врезал ей по маске. Та сразу дала трещину.

Демоница ослабила хватку так же быстро, как и вцепилась, даже не успев поранить.

Рухнув на колени, мерзкое создание прорычало, схватившись за свое лицо:

– Скотина! Что ты наделал? Как тебе удалось? Я была близко...

– Не пудри мне мозги, сучка, – устало процедил Ютака, наступив ей на хвост. – Я знаю, чего эта ваша «прощальная речь» стоит. Собственной спиной испытал это. Пока еще можешь, лучше ответь, чего тебе было нужно от этой госпожи? – он сильнее надавил на хвост.

– Пошел ты, заклинатель! Я не покорюсь!

– Ну конечно...

Тогда Ютака надавил до хруста, зорко оглядывая закоулки. Вот-вот здесь появятся люди. Времени оставалось все меньше, нужная информация снова ускользала из вспотевших рук. Чтобы попытаться выбить из этой дряни хоть каплю информации, понадобилась бы другая обстановка, которой заклинатель, к сожалению, совсем не располагал. Смачно харкнув в сторону демона, он подпрыгнул, и обеими ногами, приземлился на хвост Химеры. Она резко дернулась, на мгновение убирая вцепившиеся в маску руки и Ютака ударил по ней снова, полностью выпуская из нее серебряный поблескивающий дым. Так душа демона рассыпалась.

Быстро и без сожалений.

Из всей бойни это зрелище нравилось заклинателю больше всего, ведь после всегда следовал звон монет. Всегда.

Но не в этот раз.

И не в предыдущий.

Глава 3

Разборка в доме Цветочного ветра

Подобно смущенным щекам молоденькой искусницы, низкие облака, осевшие над городом, быстро розовели, расступаясь в стороны, а теплый желтый свет все настойчивее пробивался над горизонтом.

В такое время Чайные дома уже опустели. Ночь унесла за собой всю прелесть этих мест, оставив терпкое послевкусие красивых женщин и приятной музыки. Воздух тоже поменялся: от нежного, тянущегося аромата розовых лилий, что нырял от сквозняка к сквозняку в разгаре вечера, до стойкого мускуса. Неудивительно, ведь основную часть таких заведений составляли мужчины. Яркий фон выглаженных мужских нарядов, терпкого табака и спирта каждый вечер заполнял до удушья даже самый просторный зал.

Смахнув с жидких усов скопившиеся горошины пота, господин Кай распахнул ставни шире, запуская поток влажной свежести в уставший от гуляк дом:

– Ветерка бы, – довольно провел он мокрой ладонью вдоль щеи, а после поправил вечно удирающие с переносицы черепаховые очки. – Сегодня было больше народу, чем обычно. Не находишь, Йо?

– Говорил ведь тебе, что ты впускаешь слишком много людей, Кай! – фыркнул господин Йо, глядя смоченной в

удобрении тряпкой широкий лист камелии.

— Я казначей нашего дома! Чем больше уважаемых господ собирается вечерами в этом зале, тем звонче стучат друг об друга золотые монеты в нашем кошельке!

— Ты увлекся. Золото отнюдь не главная задача этого заведения, — почесывал скромную треугольную бородку господин Йо, продолжая усердно ухаживать за разросшимся в горшке растением. Его бритая голова указывала на средние лета, а вечно хмурый, но спокойный вид умел навести излишнюю настороженность среди новых гостей, стоило только ему показаться в зале. Ходили слухи, что этот господин успокаивал разгулявшихся посетителей одним лишь жестом, а его широкие, слегка покатые плечи и вовсе навевали трепет. Хозяина боялись, но уважали. Он никогда не грубил и, при своей крепкой, угрожающей комплекции был излишне тих и вежлив, чем вызывал у искусниц особое уважение, так, что те охотно соглашались выступить в его Чайном доме. Правда, отъявленным похитителем женских сердец Йо было не назвать, ведь уже долгие годы он был счастлив в браке с госпожой Йо. Их часто видели вместе. По выходным, в сопровождении их казначея, они прогуливались по рынку, останавливались за разговорами со знакомым торговцем рыбой, затем любезничали у лавки с кимоно и к вечеру возвращались домой, снова зажигая фонари Чайного дома. Госпожа Йо в делах мужа участвовала мало. Вряд ли ее можно было назвать завсегдатаем зала, но все же она иногда спус-

калась и пересматривала любимые выступления искусниц. Особенно по душе ей приходился бродячий театр, который пару раз в год проездом посещал их заведение.

Постукивая чуть выпирающими, аккуратными ногтями по деревянной облицовке стола, господин Кай скупающе откинулся назад.

– И то правда, друг мой, – согласился он после долгого молчания. – Золото – не наша цель, но с ним куда приятней и легче ее осуществлять, – подмигнул он товарищу, но тот никак не отреагировал в ответ.

Это утро наступило бы так же спокойно, как и большинство остальных. Прохлада цветущих вишен уже начала выветривать навязчивые запахи из дома, служанки прибрали зал, а Кай давно закончил подсчеты сегодняшней прибыли. Но приближающийся шорох стертой подошвы о гладкое покрытие выбил обоих господ из привычного равновесия. Той же подошвой одним легким движением, Ютака выдавил раздвижные сёдзи, оставив на их расписном кедре массивный след от наросшей грязи. Он вбежал так быстро, что за его плечами задымился воздух, а раскрасневшиеся от драки руки, на которых держал бездыханную женщину покрылись волдырями. От него пахло паленым.

– Что за черт? – обернулся Йо, но Ютака словно не слышал и уже укладывал девушку, прикрытую капюшоном на один из гостевых столов.

– У нее сломана ключица! – прокричал заклинатель.

– Снова ты? – подорвался казначей с места и громко хлопнул массивной ладонью, напололам сломав остро заточенный кусок грифеля, которым чертил смету. Он здорово удивился, снова увидев того же проходимца, что ошивался возле порога этим вечером. Лицо Кая покраснело: он явно готовился выйти из себя, позабыв о правилах всякого приличия. Заведя указательный палец за плечо, он собирался ткнуть им грязного засранца прямо в грудь в отместку за сломанную дверь, а затем, уже с позором, вышвырнуть к чертовой матери. Благо, заклинатель, абсолютно проигнорировав Кая, во всю переглядывался с обеспокоенным господином Йо. Конечно, Ютака не мог знать наверняка, кто стоит перед ним, но чутье подсказывало, что эти тяжелые надбровные дуги, прячущие под собой ресницы, и крутые плечи, которые сейчас медленно накрывали своей тенью, сольются для заклинателя воедино и окажутся хозяином этого места. С хладнокровным спокойствием мужчина блеснул лысиной и направился к Ютаке, плохой вид которого, кажется, интересовал его меньше всего.

– Тише, Кай. Потом снова попытаешься его выгнать, – подколот Йо, внимательно осматривая кимоно, скомканное на девичьих коленях. По виду оно казалось знакомым.

Девушка, что минуту назад была без сознания, со стоном стала приходить в себя, прижимая ладонь к груди. Шелковый, скользкий капюшон, закрывающий ее лицо, сполз и в глазах господ зажглась тревога.

– Дано! – рванул вперед казначей.

– Кай, давай сюда лекаря! И-и-и... – помедлил Йо. – И лекарства моей госпожи тоже неси сюда, – нехотя добавил он, косо глянув на Ютаку. Тот же сразу смекнул, что в этом доме ему не доверяли, да и с чего бы? Но вынюхать хоть какую-то информацию было бы весьма полезно, ведь все слухи о госпоже Дано вели его именно сюда. К тому же здесь воняло смрадом демонов. След их еще не успел остыть.

Дано стала корчиться. Ее произвольные движения говорили о сильной боли, но сказать что-либо она не могла, лишь невнятно бредила. Дождаться лекарей Ютака не стал: стоны искусницы резали его слух, а господин Йо растерянно стоял, стиснув зубы. Заклинатель скинул с себя потрепанный жакет и вытянул его в жгут.

– Что вы собираетесь предпринять, господин? – удивленно сдвинул выпуклые брови Йо.

– Она поднимет так весь квартал своими воплями! – Ютака поднял искусницу на себя, слегка спуская ткань кимоно с ее плеча. – Хотите так испортить репутацию своего дома? Лучше помогите и придержите ей шею, а я перетяну сломанное место, чтоб унять боль.

Господин Йо кивнул и подчинился.

– Он... он... – пыталась о чем-то сообщить Дано задыхаясь.

– Потерпите. Еще немного, – кряхтел Йо, прижав к себе девушку.

Ютака крепко обмотал жакетом плечо искусницы, а затем придвинулся ближе к хозяину, закрыл глаза и стал втягивать ноздрями воздух:

«Х-м, поганая вонь все никак не уйдет, может это хозяин домика одержим демоном?»

– Что вы делаете? – в растерянности спросил Йо, вжав грудь, ведь Ютака почти уткнулся в нее, продолжая фыркать носом.

«Твою ж... Увлекся.»

– Прошу прощения, господин, – выпрямился заклинитель. – Мой образ жизни, кхм, – стыдливо кашлянул он в руку. – Моя работа... напрямую зависит от моего чутья.

Йо напрягся.

– Ты что, изгоняешь демонов?

– Я не монах! – оскорбился заклинитель. – Изгнание демонов не по моей части. Я занимаюсь их грязным лупцеванием.

От этого хозяин дома скривился еще больше. А может быть, от запаха, исходящего от самого Ютаки, ведь вонял он сейчас похлеще любого демона, правда, господин Йо был чересчур вежлив, чтоб сказать об этом вслух.

– Ловец, стало быть, – подытожил хозяин.

– Именно.

Глаза Ютаки зажглись интересом. Уже нарочно он не уходил от Йо, незаметно принохивался, перевязывая тем временем ключицу госпоже Дано. Выжидал, чем хозяин может

выдать себя. Искал подвох.

«Не пойму. Проклятая вонь все никак не уходит. Я знаю, здесь точно были демоны! Но запах, исходящий от Йо больше напоминает обычный, человеческий. Может так сильно пахнет Дано? Она имела тесный контакт с ёкаями, возможно даже телесный, и вонь, которую трудно смыть с себя, пропитала ее кожу и вещи».

– И что же? – нахмурился хозяин, отодвинувшись от заклинателя подальше. – Вы к нам по делу?

– Уже – да.

Совсем не так Ютака представлял себе его первый разговор с хозяином. Но получилось то, что получилось. Возможно он бы не выдержал – позволил себе дерзость и учинил в чужом доме драку, чтоб наверняка проверить Йо на одержимость. Подобное проделать легко, учитывая, что убраться из этого места подальше ему не составит труда. Ничего бы не смогло удержать его от бегства. Однако он обещал себе, буквально дал слово, что осядет именно здесь. Поэтому нужно вести себя тихо, а все дела, связанные с демонами, делать еще тише.

Мысли и размышления о демонах и истинном облике Йо улетучились в миг, когда на пороге дома показалась молодая девушка.

Пряди ее прямых волос были острижены выше плеч, а

юката наскоро запахнута поясом. Она торопилась, но поправить его сейчас вряд ли бы смогла, ведь держала в руках деревянный лоток со снадобьями.

– О, Саёри! – замешкался господин Йо. – Мы разбудили тебя?

– Все в порядке, – она натянула уголки губ. – Кай ищет лекаря в соседнем квартале, а госпожа сильно кричала. Вот я и подумала, что моя помощь будет быстрее.

Ее лицо утопало в только проснувшихся лучах солнца. Она принесла за собой свет. Заклинателю казалось, что прищуренные от улыбки ореховые глаза этой госпожи были способны топить ледники хлеще светила, да что там ледники, сердца! А ее след, когда она прошла мимо, растворил своим свежим ароматом всю демоническую вонь.

За всё время, что Ютака помнил себя, он впервые услышал стук собственного сердца. Оно стало сбито толкаться в груди, а быстро заструившаяся внутри кровь шумно приливали к голове и тем местам, о которых и подумать стыдно.

В этот момент заклинатель понял: за считанные мгновения, за короткие секунды появления этой женщины – он пропал.

Аромат свежескошенной травы на лугу окутал весь зал. Ютака так бы и смотрел на ее снежное лицо, тонкие брови и аккуратные губы, которые немного сжались, когда госпожа снимала с себя лоток, наполненный травами и разными настоями.

«Госпожа... Саёри... она его жена...»

– Ну что ты, не стоило тащить все это самой, – заботливо стал переставлять склянки одну за одной с лотка на стол господин Йо и наклонился чуть ниже к ее уху. – У нас неожиданный гость...

– Не переживай, ему нет дела до моих интересов, – вполне спокойно посмотрела на Ютаку госпожа. – Он никому ничего не расскажет. Правда ведь? – блеснула румянцем госпожа Йо.

– М? О чем это вы? – скривился Ютака в непонимании.

– А о том, что женщинам в наших краях запрещено хранить у себя подобные снадобья и заниматься лечением больных. Вам это, что, неизвестно? Их легко перепутать... – показался на пороге запыхавшийся господин Кай. На удивление, он был один, а по его лицу градом бежал пот. – Легко перепутать с ведьмами... Фу-у-ух, – пытался он отдышаться, держась руками собственные колени, – Лекаря я так и не нашел, а вам стоило бы прикрыть двери. Каждый войти может. Не хотелось бы навлекать на себя беду.

– С ведьмами мне дел иметь не приходилось... – попытался оправдаться заклинатель, почесав затылок. Все трое господ переглянулись. Кай даже хотел возразить, но отвлекся на Дано, которая снова стала бормотать.

– Эта часть тела сложно поддается восстановлению. Уход будет долгим. Дано станут искать в Окия. – заключила госпожа Йо, ощущывая сломанную ключицу.

– Прощу, – вдруг заговорила раненая. – Спасите... спасите моего...

Господин Йо перевел взгляд на Ютаку. Волнение и тревога вспыхнули в глазах первого.

– Что произошло? Кто напал на нее?

Умалчивать смысла не было, ведь заклинатель уже обмолвился о своем роде деятельности.

– У вас в городе демоны, господин. А я ловец. Увидел попавшую в беду женщину и не смог пройти мимо. Смекаете что к чему?

– Что ты знаешь о них?

– Мало. По слухам только то, что она у них на крючке. Дорога ведет напрямик во дворец к градоначальнику.

– К градо кому? К градоначальнику? Ее будут искать солдаты. И о чем ты только думал, приперев ее сюда? – всполошился Кай. Его глаза тревожно бегали по лицу Ютаки.

– Уж простите! Как-то не успел обзавестись жильем, чтоб тащить ее к себе! У меня не было другого выбора, черт возьми! Я только прибыл в город! Хотел узнать больше, но спокойно войти в этот Чайный дом вы мне не дали.

– Здесь тебе не квартал удовольствий! Каждого встречного-поперечного не ждут с объятиями!

– Милые, хватит, – приподнялась госпожа Саёри.

«Какая же она хорошенькая...» – скользнуло у Ютаки в голове.

– Оставлять здесь Дано очень опасно. Предлагаю переме-

ститъ еѣ въ правое крыло нашего дома на заднемъ дворѣ.

— Ч-что? В наш дом? — прокряхтел Кай. — Вы еще этого оборванца къ намъ пригласите! И вообще, вы слышали? Это касается градоначальника! Намъ не стоитъ вмешиваться въ это дѣло!

— Боюсь, мы уже замешаны, Кай. Госпожа ранена, еѣ ищут. Мы оказываемъ ей помощь и не можемъ теперь просто отпустить еѣ, не разобравшись.

— Первымъ дѣломъ еѣ начнутъ искать здѣсь, Йо! — зарычал казначей, подавшись вперед. — Все подозрѣнія падутъ на мѣсто, гдѣ она была въ послѣдній разъ! Будетъ допросъ! Слухи объ этомъ разлетятся по всему городу, къ намъ перестанутъ ходить!

— Или начнутъ ходить еще больше. Успокойся! Не будутъ же они начинать свои поиски съ обыска въ уважаемомъ Чайномъ домѣ. Только проведутъ дознание. Мы любезно объяснимъ людямъ градоначальника, что Дано покинула домъ Цветочнаго вѣтра сразу послѣ выступленія. Свидѣтели этому — полный залъ нашихъ гостей!

Кай закрылъ лицо руками, сокрушаясь надъ скорымъ рѣшеніемъ хозяевъ. В дѣлѣ, гдѣ замешанъ глава города, стоило бы, конечно, подумать дольше, но тамъ, гдѣ былъ оставленъ слѣдъ демона, нѣтъ мѣста долгимъ размышленіямъ. Скрывать раненную искусницу отъ этихъ тварей врядъ ли получится. Ищейки рано или поздно вынюхаютъ искусницу по запаху. Необходимо было придумать, что дѣлать дальше.

Большую часть перепалки между господами Ютака про-

слушал. Тело оцепенело, когда он вновь посмотрел на госпожу Йо, которая смачивала тонкие льняные тряпочки в одном из настоев.

«Дело пахнет жареным. Зачем демонам понадобилась простая искусница? Тут явно замешана «крупная рыба». Они. Эти могут дать клич тем, кто ищет меня, если не успеть убить, как ту химеру. Опасно. Не лучше ли свалить подальше из этого города, пока не поздно? Но что будет, если я оставлю раненую Дано? Если отойду в сторону и не стану вмешиваться? А милое личико госпожи Йо... демоны разорвут его в считанные секунды. Они сожрут здесь всех. Я должен что-то предпринять, раз сам втянул этих людей.»

В эти мгновения Ютака поймал себя на мысли, что смерть может быть жестока. Ёкаи убивали людей каждый день. Открыто или нет, но это было. Столько лет заклинатель смотрел на свою работу, на свою жизнь через пелену безразличия. Смерти Женщин, детей, заказчиков. Он видел многое. И никогда не сожалел, не скорбел по тем, кому помогал и кого не стало. С чистой совестью и монетами в кармане Ютака покидал жилища заказчиков, не задумываясь, что другие демоны могут прийти за их родными в качестве расплаты. А сейчас? Почему ему не плевать сейчас? Что держит и не дает скрыться привычным бегством? Это деньги, которых у заклинателя совсем не осталось, или же что-то большее?

– Я буду защищать вас, – громко выдал Ютака. Так громко, что зудящий спор казначея и хозяина затих, а Саёри подняла голову. – За Дано придут. Это дело времени.

– Да что ты несешь, бродяга? – резанул словами господин Кай, но заклинатель не обиделся. Уже не в первый раз ему доводилось слышать подобное о себе. – Не смеши меня! Когда ты сможешь защитить, ты себя в зеркало видел? Чумазый, одежда рваная и... – казначей брезгливо окинул Ютаку, поправляя свои очки. – И не по размеру. Украл, стало быть. – добавил он.

– Довольно, Кай, – пробасил с ним в тон хозяин Йо. – Нужно позаботился о Дано.

Больше он не сказал ни слова. Давящее молчание обрушилось на стены Чайного дома. Саёри, не мешкая, закончила накладывать травяные мази на ключицу Дано и, собрав в кучу все снадобья, указала Ютаке, куда стоит перенести обессиленную госпожу.

Заклинатель ощущал, как нервно в спину ему дышал плетущийся сзади казначей. Он с самого начала неуважительно отнесся к нему, но имел на это полное право. Да и отнесся бы паук с уважением к тле?

Личный дом четы Йо от Чайного дома отделял весьма густой сад. Заметить тропинку к нему незнающему человеку было трудно. Пробираясь вглубь Ютака аккуратно пригнулся, чтобы не задеть макушкой молодые деревья туи, которые полностью закрывали площадь дома от посторонних глаз. В

этой, отстраненной части угодий городские звуки стучащих повозок и галдежа были съедены посадками. Под покатым мостком, который преграждал путь, блестел пруд, а в нем оранжевыми и черными бочками сутились друг об друга упитанные карпы. И тишина. Не глухая, обволакивающая, успокаивающая.

Плечи заклинателя сжались. Нести на руках маловесную Дано не составляло труда, однако мягкого футаона и крепкого сна однозначно не хватало. Последние две недели Ютака ограничивался только тем, что перебивался парой часов отдыха в трясущейся повозке, в остальном же рубил лес, как и обещал добрым кочевникам, что решились взять его с собой. Но и на такие условия заклинатель не жаловался. Его кормили и везли туда, куда ему было нужно, не запросив платы.

Хозяйское жилище встретило скромной красотой. Сваи, держащие дом совсем свежие, в отполированном полу перед входом можно было увидеть свое отражение, а стены, облицованные белой глиной с деревянными перекладинами, казались крепким семейным гнездышком.

Ютака обратил внимание, как крышу из обожженной глины оккупировала стая рогатых жаворонков. Наглецы настойчиво били по ней клювами.

– А ну кыш! – шикнул на птиц господин Кай, разведя руками словно медведь. – Говорил тебе, Йо, не добрая была затея прикармливать этих крылатых. Они загадят нам всю

кровлю! – надулся от недовольства казначей, а затем первым спрятался за ткаными дверям дома.

– Ему нужно побыть одному, – вдруг обронила госпожа Йо, натянуто улыбнувшись. Ютака пожал плечами и прошел следом за хозяевами.

Простор дома приятно окутывал и буквально расслаблял своей прохладой, стоило ступить на порог. Глаза заклинателя стали слипаться, а Дано показалась чуть тяжелее обычно. Легкая слабость в теле предупреждала: ему пора.

Госпожу, как и договаривались, поселили в правом крыле – в просторной комнате, где желтые лучи, которые в дневное время способны ослепить даже незрячего, были закрыты ветками дерева гингко. Свет падал рассеяно.

Удачно.

– Дальше я присмотрю за ней сама, – поклонилась Саэри и Ютаку залихорадило. Он поспешил отклониться в ответ и вышел за дверь, скрывая рукавом проступивший на щеках стыд.

«Вот болван. Она жена уважаемого господина. О чем я думаю? Нужно убираться из этого города. Из этого края! Уйду на север...» – мысленно сокрушался заклинатель, как следует свернув в кулак пальцы.

– Ловец, – негромко окликнул его показавшийся Йо. – Постой, – он приблизился и сложил руку на плечо Ютаки. Тот обернулся. – Я хочу нанять тебя.

Все, что угодно. Все. Что. Угодно. Но это меньше всего сейчас готов был услышать порядком уставший заклинатель. Хозяин все-таки согласился на помощь?.

– В чем подвох? Еще несколько минут назад ваш... этот...

– Казначей, – поправил Йо, добродушно прикрыв глаза.

– Да! Ваш казначей выпирал меня, а сейчас...

– И, возможно, попытается выгнать снова, но... сейчас ты сильно рискуешь. Демоны найдут тебя первым, если и дальше продолжишь скитаться по подворотням в одиночестве. Поэтому я хочу нанять тебя в качестве охраны для нашего Чайного дома. Отребе туда не зайдет, а копающих под нас одержимых ты сможешь учуять. Нам и впрямь не помешает охрана, а тебе компания.

– Пожалели, выходит?

– Называй это как хочешь, только делай свою работу. Дано должна выжить, – Йо кинул ему несколько золотых монет, Ютака поймал каждую.

– Ладно, – пожал плечами ловец, да и что еще было добавить?

– За домом есть баня, а горячий обед найдешь у очага в трапезной. Кай приготовит тебе одежду на первое время и покажет твою комнату. То-то он обрадуется, – скомкано пробормотал последнее хозяин. – Как приведешь себя в порядок, отоспись хорошенько. Вечером ты будешь нужен.

– Я понял, – кивнул Ютака.

– И еще. Как тебя зовут? – напоследок уточнил господин

Йо.

– Ютака.

– Ютака, значит, – задумался хозяин, медленно погладив бороду. – Хорошее имя.

Глава 4

Наследница меча

Много лет назад:

– Госпожа, ваша вода, – разнеслась мелодичная трель служанки по светлым покоям принцессы Инэй. Серебряной шпилькой хозяйка просторной комнаты собрала тяжелые каштановые волосы, открыв плечи, накинула на дзюбан юкату и опустилась к столику, чтоб утолить жажду.

Солнце палило жарче обычного. Невыносимая духота этой осенью выгоняла днем из жилищ даже самых сильных мерзляков. За широкими, открытыми настежь ставнями заливалась ребятня, но едва ли потому, что те играли в одну из детских игр. С силой они стучали деревянными клинками, с громким криком оттачивая новые и новые удары на открытой площади, прямо возле храма. Назойливый и постоянный шум расходился здесь с первыми лучами и до самого заката – каждый день. В клане не знали отдыха, почитали духов и древних демонов-Они. А еще чтили кодекс. Он был роднее матери и ценнее золота.

В этом месте воспитывали синоби – мастеров древнего искусства, шпионов, обладающих незаурядной силой и несгибаемым характером.

Деревня синоби, если таковой ее можно было назвать, ощущалась для Инэй раскаленной клеткой, опасным местом,

в котором возвращали безвольных щенков, не имевших прав на чувства. Любая эмоция выбивалась здесь розгами, а слезы иссушались под знойным солнцем.

Окна принцессы были открыты нарочно. Изнуряющие тренировки, несущие после себя сломанные кости и стоны от боли, доносились до Инэй изо дня в день, оседали на коже ядом, порождая безразличие. Ее отец, дзёнин Киригава, с самого малого возраста поселил девочку в ближайших к храму покоях.

– Слушай эту музыку, – говорил он тогда, упиваясь собственным коварством. – Слушай и запоминай каждую ноту, отнятую изо рта этих людей насильно.

В мире Кригавы любви не существовало. Не существовало и боли. Ее выжигали из памяти, как никому ненужную бородавку.

Но монстра, которого дзёнин породил в дочери, Инэй сумела спрятать глубоко внутри.

– Вас ожидает глава, госпожа, – добавила служанка, как только принцесса клана Зецуэй опустошила чашку с прохладной водой.

– Я поняла, можешь идти, – спокойно протянула Инэй и накрыла горячей ладонью низ своего живота. Он онемел, а страх, который дзёнин так и не смог выбить, парализовал тело. Ей предстояла встреча с отцом. Каждая из них заканчивалась его недовольством. В стенах этого места Инэй не была дочерью, не была женщиной – лишь еще одним существом,

которое выполняло любую прихоть дзёнина.

Вскоре прибыли двое синоби, чтоб забрать и проводить принцессу в Хрустальный зал. С виду, отличить воинов клана, если их лица были закрыты, было невозможно. Даже свои глаза они умело скрывали в тенях. Однако взгляд одного из них так и не научился лгать Инэй.

Он приблизился почти вплотную, когда принцесса подошла к дверям зала, и аккуратно просунул пальцем плотную бумажку, сделанную из прокатанной рисовой шелухи, прямо в пояс Инэй. Она почувствовала, как не больно та уколола ее бок своим острым краем.

Синоби проделывал подобное уже не в первый раз: на улице в саду, на тренировке возле храма или вскользь в лесу на заднем дворе дворца. Где угодно он оставлял прохладу своих пальцев на ее кимоно и спешил убраться, в сотый раз сумев остаться незамеченным.

Инэй любила эти ощущения. Трепет от предстоящей встречи с дзёнином ненадолго сменился приятными волнами где-то внизу и непослушными мурашками, от которых хотелось вздрогнуть. Его скрытность – как внутренняя, так и внешняя, возбуждала принцессу, заставляла самой додумывать несказанные им слова, не пойманный взгляд и все то, о чем могла фантазировать голова юной девушки.

– Сюда, госпожа, – буркнул грубый голос еще одного во-

ина клана. – Прощу.

Он распахнул двери, опустив голову вниз, и впустил Инэй внутрь.

Дзёнин стоял спиной. Он встречал ее так каждый раз с момента, когда принцесса, его собственная дочь, зацвела. В Хрустальном зале пахло табачными листьями и миртом. Дым из вытянутой трубки дзёнина уже сменил цвет. Это значило, что ждет он не меньше получаса, но трубку зарядил табаком задолго до того, как позвал дочь на аудиенцию. Специально.

Киригава выпустил горький дым, смакуя тот на вкус, и раздражающе медленно, отлепляя язык от неба снова и снова стал готовиться к речи, которую, по всей видимости планировал всю ночь.

Принцесса поклонилась.

– Инэй, – сухо начал он, потирая седую бороду. – Мое проклятье.

Так отец называл ее, сколько принцесса помнила себя.

– Подойди.

Она послушалась.

– Я запретил тебе посещать старый Храм Духов с момента твоего цветения. Ты ослушалась. Снова. – последнее дзёнин добавил с особым отвращением.

– Все имеют права молиться, отец. И женщины, и дети...

– Мы не воспитываем в нашем клане детей! – перебил Ки-

ригава. – Мы берем этих выроdkов еще щенками только потому, что так проще вырвать из них хлипкое нутро и взрастить шпиона, убийцу, послушных псов, которых легко подчинить. Выполнить задание – вот главная цель синоби! Молитвы святым бессильны. Что же касается тебя... – дзёнин наконец развернулся и дыhнул в Инэй дымом. – Молиться отныне ты будешь только ёкаям.

Киригава опасно приблизился, пригрозив пальцем. Иногда Инэй казалось, что человек, которого отцом то назвать сложно, окончательно сошел с ума. В прошлом, не жалея скот, он кропил их кровью алтарь Теней в дар демонам, чтоб те слышали его и дали сил той, кому суждено стать слабейшей наследницей «Последней тени» в истории всех предшественников. Той, кому суждено было родиться девчонкой – слабым отребьем, не способным защитить даже себя.

Из поколения в поколение мечом из Царства Тени владели только мужчины. Род Кохэку был крепок и взращивал выносливых воинов, что вставали на защиту клана и во благо острову. Каждый обладатель носил меч до тех пор, пока не будет взращен и подготовлен преемник. От отца к сыну, от брата к брату, от одного мастера тени к другому.

Но все изменилось, когда на свет появилась Инэй. Слабейшая из рода Кохэку. В ней не было ни мощи, ни магии, что иногда передавалась наследникам от смешивания кровей с заклинателями.

Пустая Инэй.

Так говорили о ней служители храма и перешептывались старейшины, которым была известна тайна древнего меча.

– Твоя инициация совсем близко, а кровь все так же слаба. Святые духи не слышат тебя, Инэй. Боги – тем более! Они канули в небытие и не слышат никого! Я оттягивал инициацию два года и оттянул бы еще, не противься этому старейшины, – фыркнул Киригава на дочь, будто и не она вовсе стояла перед ним.

Теплого отношения ей было не увидеть. Отбросив любые намеки на кровную связь, дзёнин испытывал принцессу так же, как испытывали любого из синоби. Но Инэй не была одной из них.

Она тренировалась и выполняла задания отдельно – в тайне, которую следовало оставить во дворце так же, как и ту, что она преемницей древнего меча.

Киригава был настолько ослеплен жадой и поисками силы для слабой дочери, что первые годы жизни даже не давал ей имени, боясь навлечь беду на род, если посмеет вписать слабые женские символы на дощечке духов.

Но даже через три года раздумий дзёнин не решился на это и назвал дочь в честь сына Кохэку – первого преемника клинка, считая, что мужское имя придаст сил слабачке, а де-

моны, вкусив ее кровь на инициации, примут ту за мужчину.

Глупая мысль.

А может, это всего лишь повод оправдать так свой позор перед ёкаями?

Инэй об этом задумывалась мало.

– Мне уже двадцать лет, отец, – взяла она слово. – Я выполняю задания наравне с опытными куноити клана: травлю нежеланных для городов столоничальников, обезглавливаю чиновничьих воров и казню нечистых на руку солдат. Делаю грязную работу, принося головы тех, кто угоден тебе, клану и острову. Если ты готовил меня к одному, очень важному дню всю мою жизнь, уверяю тебя, я готова.

– У тебя хватает дерзости перечить мне, проклятье?

– Нет, – поклонилась принцесса.

Не из уважения, из-за страха. Опушенные в пол глаза налились кровью. Уж лучше так, чем он прочитает в них слабость или того хуже, увидит слезы. Уколов ногтем большого пальца мягкую фалангу указательного, Инэй застыла в поклоне ровно до тех пор, пока Киригава не сочтет ей нужным выпрямиться.

– Инициация состоится. Сразу после твоего успешно пройденного задания, Инэй.

– Как пожелает дзёнин, – внятно проговорила девушка, с трудом подавив в себе еще одну, весьма глупую и неподхо-

дающую к месту эмоцию – гнев. Мышцы спины напряглись, поклон затянулся.

– Твоей очередной целью станет один из столоначальников соседнего города Дождя. Отрави его, а в доказательство проделанной работы принеси его язык, пропитанный ядом. Никаких следов отравления в теле и на нем быть не должно. Пусть его сочтут лжецом и решат, что такая расправа спровоцирована кем-то из народа. Это пойдет в назидание всем болтливым чиновникам. Ты поняла?

– Да, дзёнин, – скорчилась она, но Кирига едва ли увидел бы это, разве что сам не согнись в ту же позу, в которой сейчас замерла его дочь.

Указательный палец девушки побелел от того, с какой силой она давила на него, показывая при этом абсолютное спокойствие.

Инэй знала, так он испытывает ее, не издевается. Утешала себя этим.

– Хорошо. Об этом недоноске из города Дождя в пергаменте есть еще кое-что, но... хочу, чтобы ты узнала необходимую информацию сама. – выдержано произнес он. – Тебя не должны запомнить. Стань тенью. Докажи, что достойна фамильного клинка. Что же до инициации, – Он вновь потер бороду, уходя в мысли. – Это задание поможет решить твою судьбу, Инэй. Старейшины выберут, станет ли безграничное

пространство «Последней тени» твоим или ты по-прежнему только никчемная слабачка с тощим тельцем, – плевался желчью Киригава, забрызгав ею все стены Хрустального зала.

Стоило ли спрашивать, откуда столько ненависти к родному ребенку?

Ответ на поверхности. Она – слабый пол.

Возможно, если бы на Инэй не возлагалось столько ответственности, передающейся из века в век, если бы крепкий кулак Киригавы мог познать мягкую руку женщины рядом, то у дочери получилось бы растопить собой этот толстый шмат льда, тяжелым слоем покрывавший его сердце.

Если бы...

– Выпрямись, проклятье, – совсем нехотя добавил дзенин, но выполнить просьбу оказалось куда труднее. Венка на затекшем от наклона лбу набухла и выступила, извиваясь молнией. Инэй сделала вдох и медленно выпрямилась, незаметно расправляя здорово затекшие плечи и спину. – А теперь... выйди вон, – отмахнулся Киригава и вновь развернулся спиной.

Из Хрустального зала можно выйти либо униженной, либо мертвой. Так однажды сказал Инэй ее отец, поэтому какой-никакой, а результат получился. Она пока жива, а это

главное.

Дорога в покои показалась мучительно долгой. Скрыть дрожь, бившую по пальцам, удалось под широкими рукавами кимоно, но краснота лица и трясущиеся губы выдавали в Инэй панику.

«Быстрее! Быстрее. Никто не должен увидеть твоей слабости», – торопила себя девушка, все сильнее стискивая зубы. Такая реакция проявлялась после каждого разговора с отцом. Ему не составило бы большого труда сомкнуть пальцы на шее и переломить ее любому, кто криво-косо посмотрит на него. Паника. Вот, что плотно усаживалось в голове Инэй все эти годы благодаря отцу.

У нее не было матери, чтобы тайком поплакать у нее на коленях. Та скончалась при родах. Выговориться о тяготах своего бремени Инэй не могла даже с травницам и повивальным. А все потому, что болтать о наследнике во внешнем дворе деревни с недавних пор было запрещено.

Как ни странно, но сами синоби не знали, с кем приходилось совершать диверсии. Все потому, что враги у воина-одиночки, охраняющего меч, могли найтись даже в собственном клане.

Такое уже было однажды.

Одного из предшественников клинка попытался убить сердечный друг в его собственных покоях. С тех пор старейшины были вынуждены принести обет молчания и держать

секрет о хранителе «Последней тени» только во внутреннем дворе.

Убедившись, что за седзи ее покоев нет прислуги, принцесса скользнула в широкий пояс кимоно, туго затянутый на ней ранее. Острый край бумаги снова уколол подушечку пальца. Потянув за него, Инэй достала сверток и отошла подальше от окна.

«Ночь будет холодной и звездной. Будь готова к полуночи, цветочек. Твой Ветер».

Они снова увидятся. Он придет за ней.

Ночь для принцессы была любимым временем. При свете звезд она чувствовала себя настоящей. А тот, кто с детства лазил к ее покоям, научил ее с их помощью смотреть вперед, не утыкаясь больше под ноги.

Синоби, позабывшего, что такое наглость, звали Хики. Будучи ребенком жутко шустрым и своевольным, он как-то втихушку решил полакомиться плодами персикового дерева, которое и по сей день росло под окнами Инэй. Принцесса тогда услышала шорох, но поднять спящую прислугу не решилась, и сгорая от любопытства, полезла через карниз вечно открытых окон. Тогда только-только прошел дождь, и, не устояв, она беззвучно рухнула вниз, приземлившись прямо на Хики, который к тому моменту наворовал уже целый жакет персиков. Надо признать, что они-то и смягчили падение. Хоть Хики и здорово тогда приложился, он остался цел, а Инэй отделалась лишь парой царапин и ссадиной на

лодыжке.

Нелепое знакомство переросло в крепкую, хоть и тайную, дружбу.

Дождавшись пока все фонари до единого погаснут, а воины разбредутся подальше от дворца дзёнина, Инэй скучающе села на оконный выступ, с которого когда-то имела неудовольствие свалиться.

Прислуга в этих чертогах испарялась еще до того, как погаснет последний фонарь. Хики знал это: еще с детства выучил порядок дворца на зубок, и без труда, из раза в раз, проникал к покоям принцессы с внешней стороны.

– Здравствуй, цветочек, – он легко приземлился на выступ, задержавшись пальцами на его гладкой поверхности. Его добрые зеленые глаза блестели в тусклой мерцающей россыпи, а лицо по-прежнему было закрыто тряпичной маской.

– Я рада, что ты до сих пор жив, синоби, – улыбнулась Инэй, накрыв кисть Хики прохладной рукой.

– Из тех мест, которые я нашел для тебя, смотреть на звезды намного приятнее, чем отсюда. Забирайся на спину, я спущу нас.

Хики считал Инэй хрупкой принцессой, не знал, чем был наполнен ее досуг, как приходилось коротать вечера во дворце и кем ей суждено стать после инициации. Он мягко посадил девушку себе на спину. Его рука обхватила его шею и аккуратно, немного замешкавшись, скользнула по ее бедру

сжимая стиб колена. Ткань кимоно мешала обхватить торс синоби ногами, поэтому принцессе пришлось повиснуть сзади, напоминая с виду мешок. Грудь то и дело касалась спины Хики, а бедрами она прижималась к его пояснице.

– Кажется, вы засмутились, господин воин? – хмыкнула Инэй, почувствовав, как сильно бьется сердце синоби. От его одежды пахло горным ветром и цветами, собранными после дождя. Прислонившись к его плечу щекой, девушка глубже втянула носом и закрыла глаза.

– Вы сегодня весьма проницательны, принцесса. Не каждый день мне приходится носить на своих плечах такую особу, – пропыхтел синоби, переставляя ноги по веткам персикового дерева. – Держитесь, пожалуйста крепче, а то снова шлепнетесь, как тогда, в детстве. Мы как раз сейчас в том месте. Рука может и дрогнуть.

– Молчу, – хихикнула Инэй, понимая, что не стоит нарываться. Ведь скинет же. Она втянула воздух снова.

«Какой он горячий, прямо как печь. Запах цветов от тела становится ярче, когда он двигается быстрее»

– Дальше я сама. Благодарю, – соскользнула она с крепких плеч, и посмотрела наверх, на распахнутые окна своих покоев.

«Если бы отец не заставлял держать их открытыми, познакомились бы мы с Хики? Думаю, нет. Хм, здесь и правда довольно высоко, но спуститься я могла бы и сама, но

приходится играть роль невинной принцессы. Хочется все рассказать ему... хотя с этим синоби я и правда чувствую себя уязвимой».

– Здесь легко оступиться и сломать нос. Держись за меня.

«Ну вот. И как, скажите на милость, притворяться? Так и тянет побыть неженкой. После тяжелого дня, его отношение ко мне – награда».

– Ты какая-то задумчивая сегодня, Инэй, – обернулся Хики, когда они вышли из стен деревни через один из потайных лазов. Глазам открылся красивый луг с волнистой, блестящей от влаги травой.

– Почему у этого входа нет стражи? – лицо девушки дрогнуло. Хики подошел ближе, сложив ладони на ее плечи и немного наклонился, с хитрым прищуром. – Только не говори, что тот, кто должен здесь стоять, знает о нас.

– Знает, – со святым спокойствием подтвердил синоби, а у принцессы онемели ноги. Что делать? Куда бежать, если хоть одна душа прознает о их дружбе? Хики повесят, а ее... В лучшем случае ждет казнь от руки отца за предательство, а в худшем нарекут изгоем, выкинут на улицу и убьют свои же, взяв за это заказ. Тесное общение между мужчиной и женщиной расценивалось проявлением чувств, нарушением кодекса и каралось смертью. Даже, если это принцесса. Особенно если так. Семьи разрешалось создавать, когда синоби

списан со счетов или щенок, которого выкупили, хорошенько поломался и годился лишь в услужники. Что касалось самого дзенина, то род Кохэку должен продолжаться, поэтому наследнику со временем готовили выгодную партию для его продолжения, но связывать себя священными узами брака решался не каждый. Зачастую это была лишь сделка.

– Что? – проглотила Инэй собственный визг.

– Знает, цветочек, – повторил Хики. Его спокойствие было. – Человек, который должен охранять это место, надежный, он не скажет никому. Ведь этот человек – я, – сощурился этот жук, а Инэй вскипела еще больше.

– Ты... кровопийца!

– Тише, не кричи. Так нас точно услышат, – Хики спустил тряпичную повязку со своего лица и закрыл ей рот девушки.

– Б-б-б-у, б-б-а, – она пыталась что-то сказать, но ткань плотно обтягивала ей рот.

Ночь захватила своей темнотой каждую часть этого места, но лунные спутники ярко освещали лица этих двоих. Хики смотрел глубоко, не боясь увидеть там то, что принцесса пыталась прятать. Правду. Это ощущение недосказанности блуждало с ним за руку уже не первый год. За время их дружбы Хики научился читать по лицу и глазам Инэй многое. Знал, что правда, которую он так мечтает услышать, находилась в поле его недосягаемости, но даже не догадывался на сколько она жестока. Разный статус с каждым днем отда-

лял их друг от друга. По его мнению, Инэй могла выйти замуж и уехать из клана в любой момент. Этого синоби боялся услышать больше всего, каждый раз с опаской приходя к ней на встречу. Давить чувствами он не хотел, поэтому просто ждал, прорабатывая план разговора в своей голове.

– В прошлую нашу встречу, – спокойно продолжил Хики и Инэй притихла. – Ты хотела научиться танцевать. Хотела ведь? – он обхватил надутые щеки девушки двумя руками и пару раз играючи сжал их. – Обещаешь, что не будешь больше злиться на меня?

Пухлые губы девушки невнятно пробубнили:

– Пу-ти, – пробубнила она.

Тогда Хики еще разок надавил на ее щеки, наслаждаясь их мягкостью, и чуть наклонился вперед, как заморский посол.

– Дай мне руку, цветочек, – протянул он в ответ свою.

– Духи, Хики, ты научился танцевать? – подавила она смешок и охотно коснулась его пальцев.

– На днях я дежурил в книгохранилище и наткнулся... – он помедлил. – На заморские танцы, – резко притянул он девушку к себе, схватив за талию. – Прости, не рассчитал силу, но клянусь, они делали так на тех картинках, – Хики соскользнул по запястьям Инэй, как стекающий с них мед, и стал кружить ее, едва касаясь грубого красного пояса.

– Покажешь мне потом эту книгу, в которой вычитал такое? – хитро взглянула на синоби принцесса. Под светом

полной луны было видно, как его лицо обдало краской. – Что такое?

– Эм, ну... на самом деле, – замялся он. – Этой книгой со мной поделился товарищ, Кенши. Да и не книга это вовсе, а скорее дощечка, М-м-м, точнее дощечки, на которых выжжено всякое... – плавно покачивался Хики, нелепо двигая плечами и торсом.

– Да? И что это за дощечки такие?

Тогда синоби замялся еще больше.

«Что это? Он смущен? Да что с этими дощечками не так?» – размышляла принцесса.

– Кенши был на задании в квартале красных фонарей, и одна женщина подарила ему целый набор таких вот штук-вин...

Секундная тишина и Инэй издала залп тонкого смеха, закрыв лицо рукавом.

– Что? Почему ты смеешься? – нахмурился Хики.

– Эти дощечки, – прерывалась Инэй, стараясь подавить смех, от которого стало больно в животе. – Они не танцуют...

Лицо Хики раскраснелось словно редис.

– Да нет же! Он внятно сказал про танцы! Там разные движения были. Сбоку, сзади...

Воздуха хватало все меньше, горло от смеха сдавило спазмом, а ноги, и так уставшие после сегодняшней тренировки, подкосились и Инэй повалилась Хики на грудь. Он поймал

ее за локти.

Уткнулась в него сильнее, Инэй всмотрелась в его лицо и посерьезнела.

– Покажи мне как-нибудь эти дощечки, Хики. Я хочу взглянуть на них. С тобой.

Синоби замер. Это было то, чего он бесспорно жаждал с тех самых времен, когда форма стала жать ему в области паха. Каждый раз он ощущал это всем телом, стоило только подумать о ней. Но его философия, его характер говорили о том, что красть поцелуи у принцесс стоило только с их согласия. Да и кто он такой, чтобы принуждать к этому дочь дзёнина? И без того играл в опасную игру, позволяя себе не то что трогать, даже говорить с ней.

– Ты замерзла, – снова нахмурился Хики, проведя по остывшему шелку на плечах девушки. – Я ведь писал, что будет холодно, цветочек, – распахнул он куртку уваги и стал заворачивать в нее девушку.

Темная кофта, что обтягивала его узкий торс, казалась немного маловатой. – Нам пора возвращаться. Росы на траве все больше, через пару часов рассветет. К тому же ты промочила ноги. Ночи становятся все холодней, не хватало еще заболеть.

– Я хотела посмотреть на звезды вместе... и думала, ты поколдуешь для меня.

– В другой раз, – нежно проговорил он. – Завтра я уйду на

задание, меня не будет некоторое время, – Взяв ее пальцы в свои, Хики приблизился к ним губами и стал греть дыханием. – Мы увидимся через десять дней, возле пруда с карпами, в полночь. Охрана в этом месте сменится и у нас будет время насладиться звездами через водную гладь. Мерцание на небе там не такое яркое, вряд ли ты удивишься, а трава выстрижена и совсем не такая пушистая, как здесь, но я буду рад, если ты придешь.

– Я приду, – без колебаний ответила принцесса. – Я приду к тебе, синоби.

Глава 5

Танец теней

Много лет назад:

Гул барабанов тайто в стенах публичного дома госпожи Татцуё глушил болтовню собравшихся мужчин. Раз в неделю это место заполнялось до отказа. Все дело в танцах цветника госпожи – дорогих подруг и их преемниц, на которых делались ставки. Аукцион весьма прост: за неделю слухи о танцующих проститутках квартала обходили весь город, не исключая известных столоначальников и приближенных к градоначальнику солдат. Те через посыльных ставили на понравившийся им больше всего цветок, предлагаемый на афише. Тот, кто ставил больше всего денег за проститутку и повышал ставку за танец, получал право распоряжаться ею так, как посчитает нужным, до самого утра.

В чем здесь подвох, спросил бы любой чужеземец, ведь проститутку, и так можно выкупить на ночь, не выкладывая за ту приличную сумму? Ответ крылся в азарте мужчин. Им нравилось смешивать деловые встречи, шумные гуляния в кругу красивых девиц и азартные игры. Это была одна из игр, в которые особенно любили погружаться богатые толстосумы, демонстрируя так собственную значимость в городе Дождя.

А госпожа Татцуё рада стараться, ведь суммы в ее тайнике от такого хода с каждым разом пополнялись, а спрос на заведение лишь возрастал.

«Розовый сад» – так назывался публичный дом, в котором женщины, будучи прежде статными особами, сами приходили зарабатывать себе на жизнь в подобном месте, уповая, что такая слава поможет им выйти замуж за представителя более высшего сословия. Такое происходило довольно часто, надо сказать.

Дорогих проституток «Розового сада» и впрямь выкупали больше остальных, назначая за них немалые суммы. Поэтому дому требовалось в постоянное обновление женщин.

Название заведения выдавало себя с потрохами. Широкие залы сплошь увешаны живыми цветами – розами разных сортов, если точнее. Это не просто икебаны, увядающие в углах, а настоящий цветущий сад внутри здания, напоминающий с виду дворец.

Аромат розового масла часто кружил мужчинам голову, и, помня лишь о пульсирующем желании под своим исподним, те в нетерпении ждали начала представлений, торопливо выкладывая золото из карманов. Выпивка и хорошая еда так же были неотъемлемой частью таких просмотров – это входило в стоимость посещения. Но столоначальники часто забывались, заказывая заморский виноград или сыр, чтоб при-

манить так знающих себе цену проституток.

Сегодня в зале выступало три девушки, на каждую приходилось по знатному городскому столоначальнику. Бывало, что, сгорая от желания, мужчины забирали проигравший товар по сниженной цене, поэтому девушек не распускали до самого конца праздника, рассчитывая, что какой-нибудь гость клонет на оставшуюся наживку.

За прямоугольным столом собрались стратег, городской комиссар и казначей. Первые двое сначала не проявляли особого интереса и вели себя скованно, ведь решились на такое впервые – ради одной из заявленных танцовщиц, которая была обещана, как проститутка, не познавшая мужчины.

Как и задумывалось, столоначальники слетелись на такую, как мухи на мед. Кто же не захочет вкусить сладкого нектара с бархатной кожи девственницы?! У мужчин в крови стремление к завоеванию и разорению любых «непознанных земель».

Это и было на руку Инэй.

Помимо бесчисленной охраны собравшейся знати, смотреть на танцы разрешено и другим гостям, но в ставках они не участвовали.

Плотно натирая тело маслом с частицами, что светятся золотом при нужном освещении, Инэй присматривалась к другим двум танцовщицам:

«С такими нужно держать ухо востро. Того гляди выкинут чего от зависти, а мне совсем не до них. Передавить бы

этих кур еще до начала выступлений, чтоб не мешались под ногами, но я танцую последней,, а значит стоит держаться плана и не лезть на рожон».

– Чего пялишься, мелкая? – скривилась танцовщица, которой надлежало танцевать первой. Ее огромный упругий бюст торчал шарами, вот-вот готовыми надеться на острый подбородок. Надо сказать, проституток выбрали и впрямь отборных. Этой, к примеру, Инэй утыкалась чуть ли не в пупок. Её высокий рост и длинные ноги просто поражали, к тому же поговаривали, что она с легкостью выполняла любые акробатические комбинации, а это в делах любовных большая роскошь. – Это ты, выходит, та самая девственница? – с омерзением проговорила проститутка.

– Я, – Инэй отвернулась, чем вызвала еще больший интерес.

– Хочешь сказать и мужского стыда не видела?

– К чему вопросы? – стиснула зубы Инэй.

Две стервы сразу стали действовать ей на нервы.

– Я думала, что детей в это приличное место не берут, – добавила вторая и Инэй стиснула большим пальцем фалангу указательного. Только так она могла справиться со вспыльчивостью, которая подступала к глотке.

– Я тоже была уверена, что всем буренкам место на молочной ферме, но увидела здесь вас и поняла, что ошиблась.

– Что ты сказала, маленькая дрянь?! – вылупилась про-

ститутка. – Да я тебе шею сверну! – замахнулась она, но госпожа Татцуё просочившаяся в приоткрытые сёдзи поймала ту за вскинувшееся запястье.

– А ну, уймись! – скрипнула она зубами. Ее пышный вид и комично нарисованные двумя запятыми брови, привели бы чувства кого угодно. – О чем, мерзавка, думаешь? Решила товар перед выступлением попортить? Не расплатишься потом!

– Матушка, эта хамка... она... коровами нас назвала!

– Так примите к сведению и встаньте в стойло. Не стоит забывать, что ваши бидоны и ломанного гроша не стоят за стенами этого дома. – Пойдите вон! И не смейте трогать наш цветок! Сегодня его сорвет один из тех трех господ, – смягчила она черствый тон на последнем, коснувшись тыльной стороной ладони щеки Инэй. – Я хочу как следует заработать на этой розе, – оскалилась хозяйка и взгляд ее блеснул золотом, а фантазии о куче денег пробежали прямо по серому лбу..

– А я что, не роза? – влезла вторая.

– Да, пыльная, – прохрипела Татцуё. – Годков тебе многовато. Если клиент сегодня снова останется недоволен, сдам тебя в дешевые шлюхи! Глядишь, там и пользы будет больше! П-шла, – хлопнула хозяйка ту по заднице, как непокорную лошадку и вышла следом.

После такого Инэй захотелось помыться. Удивительно, что подбивало женщин добровольно приходить в этот двор?

Они связывали себя унижительным контрактом – и все ради того, чтобы, пройдя через столько рук, у них появилась возможность обрести богатство и свободу, которых эти дурехи сами себя и лишили.

Это поражало.

Выходит, женщина с рождения либо товар, либо воин. Хотя, если посмотреть, воин тоже товар.

Барабаны усилили темп, гости замерли.

Каждая выступающая готовила свой танец, которым собиралась поразить гостей. У первых двух он был одинаковый – танец подражания. Суть заключалась в том, чтобы как можно дольше этим удерживать внимание интересующих мужчин, демонстрируя умение в акробатике и пластике. Но та, которая будет танцевать второй уже не сможет удивить этим танцем: гостям станет скучно. Но эта хитрость намеренная. Так первая танцовщица решила списать со счетов вторую.

Зал загудел, и тонкие ноты струнных инструментов стали напрягать мужскую часть зала в нужных местах. Пока танцовщица извивалась перед гостями, как гадюка, Инэй наблюдала за столоначальниками и их окружением.

Застенчивый, на первый взгляд, пухлый комиссар с охотой натирал ладонью бедро. Пояс на его талии был неумело затянут, отчего передавливал ему живот, а большое количество пота, скопившееся на лбу, говорило, что ему было явно не по себе. Для этого господина посещение в таком ме-

сте было в новинку, но вовсе не потому, что он не любил общество женщин. Городской комиссар был онанистом. Этот недуг появился у него с момента созревания и накрывал по сей день. Виной всему лишний вес и невыносимое стеснение собственного тела. Инэй обратила внимание, как ласково и с определенной частотой он разминал пальцами складки кимоно на своем бедре. Она догадалась о грязном секрете мужчины, когда выслеживала того днями ранее. Любая встреча с женским полом возбуждала комиссара, и, не в силах сдерживаться после разговора, он бежал в уборную, сбрасывать определенным образом подступившее напряжение.

С губ Инэй сошла коварная улыбка. Но вряд ли бы на него поступил заказ, будь он простым рукоблудом. Этот сиплый мужчина с внешностью милой свинки был самым настоящим садистом со своими подчиненными. Имея высокий чин, он позволял себе избивать до полусмерти не только заключенных, но и собственных солдат, сбрасывая таким образом пар вечной неудовлетворенности.

Городской комиссар стал обузой в городе Дождя. Его заказали свои же.

Отравить этого хмыря не составит труда.

Огромный заморский виноград, который подадут, когда Инэй начнет танец, заранее отравлен ядом побегов молоч-

ника лекарственного. В малых дозах этот яд является ценным снадобьем и выписывается лекарями для крепкого сна, но стоит только превысить дозу – и тело впадет в летаргию. Если же увеличить дозу втрое, человек рискует уснуть навсегда. Молочник не оставляет следов удушья и других внешних признаков отравления. Это и нужно было Инэй.

Первые виноградины должны попасть в рот шерифу еще до того, как принцессе придется уединиться с ним. Далее, очень важно продолжать кормить его заморской диковиной. Как только яд подействует в полную силу, этот грузный свин лишится языка.

Казначей был безобиден для Инэй, ровным счетом, этот исполинских размеров мужчина из себя ничего не представлял. Даже клинок в руках тот не держал. А вот стратег был птицей важной: мог учуять подвох за версту, но что-то подсказывало, что именно он и заказал военачальника.

Охрана этих трех господ тоже не интересовала девушку. Ослы в форме то и дело станут отвлекаться на девушек, все должно пройти гладко, осталось только станцевать.

Но в зале, среди остальных мужчин, Инэй обратила внимание лишь на одного. Он сильно бросился в глаза, потому что подозрительно отличался от других солдат. Темные волосы небрежно выбились из плотной шапочки, а одежда была мала в плечах. К тому же, он единственный, кто смотрел

сейчас в этом зале прямо на Инэй, найдя ее глаза за шторкой.

«Странный хмырь. Смотрит с ухмылкой. И выглядит подозрительно. Взгляды остальных прикованы к танцовщице – за этим тут, собственно, и собираются, но его хитрым ярким глазкам танец неинтересен. Кто ты такой?»

Овации и свист вывели Инэй из раздумий. Закончила танцевать вторая проститутка. Ее нежные движения, надо сказать, пришлись господам по душе больше, чем акробатика первой.

Инэй выдохнула и поспешила на сцену.

Она и вправду выделялась среди других, умелых женщин, но искусству обольщения в клане учили с ранних лет. Главной задачей было совершить диверсию тихо – в основном отравить кого-нибудь или выкрасть ценные бумаги у чиновников.

Инэй знала наверняка: чтобы завести даже самого черствого и предусмотрительного мужчину, не обязательно выставлять все прелести напоказ.

Товар особенно ценен, когда он недоступен.

Поэтому девушка предпочла подражанию танец теней. Ее лица и глаз, прячущейся за ширмой, никто из гостей так и не увидит. Это особенно удобно, когда после выступления необходимо бежать из города.

Свет в зале погас. Лишь тусклые красные фонарики оттеняли ширму, за которой по узкой женской талии струилось летящее платье. К рукавам были пришиты длинные, до пола, воланы из струящегося шифона, а в правой руке сложенный веер.

Музыка началась с барабанов. Их глухое звучание дополнили струнные и тонкий живой голос певицы, раздававшийся эхом по залу.

Гости чуть подустали ждать обещанный подарок и стали отвлекаться, поэтому, приводящий в чувства, женский голос, выигрышно отозвался аплодисментами.

Инэй легко подпрыгнула, изящно прочертила рукой круг, воланы на рукавах вспорхнули следом, и этот жест господы приняли с замиранием сердец. А когда тень девушки стала кружиться, ее веер раскрылся, походя на хвост павлина – зрители и вовсе ахнули. Легкая поступь, босые щиколотки, нарочно выглядывающие из-под ширмы, заставляли сглотнуть, смачивая слюной пересохшие глотки.

Ставки повышались, господы оживились, а Инэй продолжала порхать, поднимая слои шифонового платья так, что те клубящимся дымом опускались на пол. Каждый в зале захотел снять его прямо сейчас. Даже странный тип в малом солдатском костюме перетапывался с ноги на ногу. Он приоткрыл рот, зрачки подрагивали и блестели, а его достоинство дернулось в и без того тесных штанах.

«О, черт... что ты творишь...» – чуть не сказал он вслух, вовремя закрыв рот веером, которым махал потного комиссара .

Ладошки столоначальника и впрямь стали влажными, с груди на уже смятое кимоно стекали капли влаги. Ему стало трудно набирать воздух, но этого никто увидеть не смог: полумрак скрыл его состояние.

В зале невыносимо душно. От нервов и трепета скорее заполучить желаемое господа заерзали по шелковым подушкам. Коммисар нервно глотал огромные виноградины, все больше обливаясь потом.

«Рыбка наживку съела», – подумала Инэй, поманив столоначальников пальцем к себе. Те бы сейчас встали на колени, лишь бы увидеть, кто танцует за ширмой.

Облизывая сухие губы при виде тонких пальцев, выглядывающих из-за ширмы, господа спешно выкладывали золото, отправляли охрану принести еще, писали расписки. Все что угодно, только заполучить девственницу себе.

И наконец комиссар, закрывая рукой свое возбуждение, скинул в медную корзину для ставок три тяжелых мешочка с золотом, и публика ахнула снова.

– Она моя! – откинулся он назад.

Его дыхание замедлилось, а глаза после этих слов стали стекленеть. Публика заликовала. Столько денег не давал еще ни один господин!

Музыка закончилась, и сотня фонарей зажглась вновь.

Инэй замерла за ширмой.

Спорить с военачальником никто не решился. «Розовый дом» иссушил господ до нитки. Накопления закончились, да и отдавать за проститутку больше не хотелось.

– Я поздравляю господина Бо, нашего уважаемого гостя с этим прекрасным цветком! Ему посчастливится сегодня испить нетронутый нектар с губ нашей розы и наполнить ее маслами! Она ваша! – прохрипела радостная Татцуё.

Мужчины оглушили комиссара рукоплесканием, но, кажется, ему было уже все равно. Пот перестал течь с него градом, лицо приобрело синюшный оттенок. Он осторожно встал и молча направился в покои, в которые его любезно вызвался проводить взъерошенный солдат.

Инэй тоже резво потащила в спальню. Стражи возле дверей не оказалось, прислуги тоже. Когда девушка вошла в комнату, в ней пахло успокаивающими благовониями. Шериф расслабленно сидел на диване, молча приподняв глаза.

Угощения, принесенные для проститутки, горой наставлены на лакированном столе. Среди них – начисто приговоренный малый графин рисового спирта и пустая чашка из-под винограда.

«Так разволновался, что слопал весь виноград? Как он не помер еще там, возле сцены? Но нет, будто все равно с ним что-то не так. Может, так повлиял алкоголь вперемежку с ядом? Да нет, не должен...»

– Господин, мне дозволено омыться или вы желаете взять меня прямо сейчас? – он сипло и невнятно простонал что-то в ответ. Инэй скривилась, пытаясь рассмотреть его странное лицо, и приняв этот жест за одобрение, направилась в небольшую купель, огороженную плотными ткаными перегородками. Медная ванная с теплой водой для омовения уже доверху была заполнена чистой водой с маслами мощного афродизиака. Хитрые проститутки знали, как «поднять настроение» господину, если у того были проблемы.

Инэй наклонилась к одному из коробов с маслами под ванной и, запустив туда руку, наскоро нащупала одежду, которую сумела спрятать, прикинувшись прислугой в обеденное время, пока хозяйки не было в доме.

«Еще пару минут – и он будет готов. Дело осталось за малым. Пора заканчивать».

Переодевшись в темные одежды клана, сняв с головы шпильки и другие висящие побрякушки, Инэй заплела небрежную косу. Так было удобнее: волосы не лезли в глаза.

После, она тихонько подкралась к тонкой перегородке.

– Господин, я выхожу, – предупредила девушка и натянула на лицо повязку, скрывающую лицо до глаз. – Госпо...

Она прикусила язык. Глазам не было веры.

Ее жертва, ее добыча и прямое доказательство того, что она достойна стать преемницей «Последней тени», лежала на спине, не дыша, широко раскинув омерзительно толстые окорочка. А сверху, прямо на его надутом брюхе, в тесной

солдатской одежде молодой мужчина. Он довольно облизывался, отрезая комиссару язык раскаленными швейными ножницами.

Слов терять Инэй не стала, да и дар речи в эту секунду пропал. Беззвучно налетела на незнакомца, но тот уже успел сделать последний надрез и поймал ее так же, как древесный паук поймал бы саранчу. Цепко.

– Тише, госпожа. Чуть тонкую работу из-за тебя не испортил!

«Ему известно кто я? И этот надрез...»

– Кто ты такой? – больно пихнула она мужчину в бок, но тот не поддался.

– Полегче! Мы друзья. Видишь? – Он указал на край отрезанного языка. Срез его был идентичным со срезом клана Зецуэй. Каждый, кто разбирался в подобных делах, видел почерк синоби издалека и решал, стоило ли устраивать погоню и начинать расследование или клан тот находился под защитой сегуната и помогал избавляться от ненужных людей.

– Ты из Рюсоку, – поняла Инэй. – В таком случае, вышла ошибка.

Ее напряженные руки ослабли. Кланы Зецуэй и Рюсоку были одним кланом раньше, а легенда о великом Кохэку напоминала, что драться с носителями доспехов запрещено. Из дьявольского металла был выкован меч «Последняя тень», из него же ковались и доспехи для второго воина. Враждовать кланам запрещалось, однако неприязнь они все же ис-

пытывали, вечно отнимая друг у друга кусок хлеба. — Я выполняю задание по поручению моего дзёнина, отступишь, — прорычала девушка.

— Госпожа! Это я выполняю задание по поручению дзёнина. Ты путаешь, — незнакомец ослабил хватку, а Инэй только больше напряглась. — Советую тебе отойти в сторону и не мешать мне доделывать МОЮ работу, которая, между прочим, сделана чисто.

«Что? Высмеивает меня?» — напыжилась Инэй.

— Прошу прощения? Я заманила эту тушу сюда!

— Ты правда в этом уверена? Хорошо, я развею твои грезы, — пожал плечами синоби. — Эти заморские ягодки, которые ты старательно напичкала второсортным ядом, не прошли бы дегустацию на кухне, а к концу твоего танца, тебя повязал бы сам комиссар города, поместив в своих садистский рвах, как комнатную зверушку.

Инэй зажала палец до бела.

— Стоит ли мне напоминать, что кусок этого дерьма, — он шлепнул бездыханному телу по пузу, светло при этом подмигнув. — скрытный онанист и любит больше смотреть? Особенно на то, как насилуют девушек...

Инэй стало не по себе.

— Довольно!

— Нет, милочка, продолжу! Тебе что, ничего не сообщили об этом в докладе? — Мужчина развел реками. — Я опередил тебя, но не для того, чтобы ты могла узреть мое превосход-

ство. На самом деле этот урод был мертв еще до того, как вошел в этот, надо сказать, симпатичный публичный дом.

Из Инэй разом, будто дух выбили, а побелевший ноготь стал менять цвет на более темный.

– Признаю, в образе дорогой проститутки тебе нет равных. Твой танец – нечто! Этот дебют будут вспоминать в стенах города намного дольше, чем грязные делишки никчемного онаниста, а я, скорее всего не смогу нормально спать несколько ночей. Но, черт возьми, если бы не отравил этого гада ядом радужной каракатицы за пару часов до начала танцев, ты была бы уже совсем и совсем в печальном положении. Выходит, раз так, то и язык мой. – снова подмигнул синоби.

Инэй понимала: ее провели. Может, это отец так решил поиздеваться над ней, ведь утаил многое нарочно. Или кто-то пытался высмеять клан Зецуэй? Отправить на одно задание синоби из разных кланов – немыслимо.

– Черта с два, – дернулась Инэй. – Отдай язык, я не хочу драться с тобой си-но-би.

– Едва бы это получилось у тебя, ку-но-ити, – передразнил он. Его ехидная улыбка на гладком лице раздражала, но времени на бесполезный треп совсем не было. – Лучше подумай, как будешь выбираться из этого места, – сощурился синоби и принялся доставать из-под дивана тряпичный свер-

ток.

«Подготовился, гад. Тоже побывал здесь на днях».

– Ты что это? – возмутилась Инэй, когда увидела, с какой легкостью мужчина стал сбрасывать с себя слои солдатской одежды.

Щеки девушки зарозовели. Его плотная, приподнятая грудь оголилась, а последний пояс на штанах ослаб, отрывая вид на неприкрытый зад. Инэй бросило в жар. Она отвернула голову, уставившись в одну точку, но глаза горели любопытством. Расстояние между этими двумя было не больше вытянутой руки.

– В чем дело, любопытная? Никогда мужчин не видела? Ты здорово покраснела, – нахально улыбался синоби, накидывая на плечи кимоно.

– В таком виде – нет, – шагнула Инэй назад, но незнакомец поймал ее за кисть и раскрыл ей ладонь большим пальцем, приближаясь вплотную.

– Ну тогда уйми свой интерес. Потрогай, вот здесь.

Внушительный выбритый срам этого гада блестел, как начищенная золотая монета. Инэй подурнело. Мужчина, кажется, совсем не стеснялся своего вида и потянул ее руку к своей надутой груди. Пальцы коснулись мягких упругих мышц. Зрачки девушки сузились, стоило почувствовать тепло его кожи. Она не могла не заметить, что он был хорош со-

бой. Высокий рост, темные волосы до плеч, наскоро собранные в пучок на затылке, и свисающая на лоб влажная прядь, выбившаяся из него. Глаза этого нахала переливались теплыми тонами гречишного меда с черными крапинками. Раз коснувшись его тела, многие бы захотели ласкать его сутками напролет, но рука Инэй оторвалась от него и хорошенько шлепнула наглеца по щеке.

Хлопок получился уверенным.

– Ты что себе позволяешь? – зашипела девушка, прижав руку к себе вплотную. Стала отряхивать, как от заразного.

– А-у, – размял он лицо. Красное пятно хорошенько сияло теперь на скуле, как торжество правосудия. – Но в целом справедливо. – добавил он, запахивая кимоно. Больше ему не хотелось оставаться голым перед этой милочкой. – Тебе говорили, что у тебя тяжелая рука? Я ведь уже надумал себе, как было бы опасно и грязно заняться любовью в этом месте, а ты... – пытался он пошутить.

– Отдай язык, синоби. Отдай и разойдемся.

– Не-а, – игриво прищурился мужчина. – Но ты можешь попробовать отобрать его у меня.

Неслыханная наглость! Придется унижаться перед этим пастухом? Да, деревня клана Рюсоку колоссально отличалась от внушительного поселения Зецуэй. В первом жили трудяги, рабочий класс. Они разводили и пасли скот, трудились в горах, как простые деревенские жители, не пряча свой статус за широкими стенами с кучей наемников, рас-

ставленных по периметру. Проходящий путник никогда не подумает, что неприметная деревушка на деле является кланом пронырливых шпионов.

Придя в себя, Инэй выпрямила пальцы, целясь в его выпирающий кадык. Хотела выбить из его глотки на время воздух, но удар он пресек. Поймав ее за эти самые пальцы, мужчина дернул за них и развернул девушку спиной к себе, успев достать из волос спрятанную спицу, от которой пахло сладостью яда. Она сжала крепче зубы.

– Т-ц, я хотел лишь поиграть, а ты руки распускать полезла. Какая непослушная, – драматично выдохнул он.

– Пусти, живо! – процедила Инэй почувствовав, как от врезающейся в шею шпильки натянулась кожа. Яд уже выступил, стоило только порам чуть надорваться, и...

Инэй задрожала. Противоядия у нее не было, а добраться до клана с бог знает какой отравой в крови было просто нереально. Если этот пастух сейчас что-нибудь выкинет, шансов на спасение не останется.

Второй рукой он аккуратно накрыл горло девушки, придвинулся ближе, опустив подбородок ей на плечо, и стал тихо нашептывать:

– Признаться, я не должен оставлять свидетелей, но, учитывая давний «союз» двух наших кланов и то, что лишним трупом я испорчу себе репутацию – отпустить тебя и правда придется, госпожа. Но вернешься ты в свой клан ни с чем.

Хотя стоило бы разобраться, кто и почему отправил на задание сразу двоих разведчиков из разных кланов.

– Мне нужен этот язык, – зажмурилась девушка, ощущая, как за ворот сползает ядовитая капля.

– Какое совпадение, мне он тоже нужен, зайка . Язык один, а нас двое...

– Ты не понимаешь, на кону моя репутация. Очень нужен этот трофей. – процедила Инэй.

– Ой, да неужели?! И что же ты предлагаешь, позволь узнать? Разделим пополам?

В голову под таким давлением вряд ли бы пришло что-то умнее.

– Я могу показать его дзёнину, а потом выкрасть, подменив на другой, – сдавленно проговорила Инэй. – Встретимся через две недели в лесах этого города. Там я отдам его тебе .

Синоби задумался. Стоило ли им довериться друг другу?

Аромат афродизиака, которым пропиталась одежда Инэй, пока та лежала в коробе с маслами, подстегнул согласиться раньше, чем синоби успел додумать мысль.

Сквозь этот плотный фон он ощущал аромат ее тела. Чистый, похожий на выстиранные, висевшие под знойным солнцем на лугу, простыни. Эта девушка пахла для него сладко. Он вспомнил ее танец, тихо, так, чтобы она не заметила, втянул носом, и что-то снова дернулось внутри.

– Жаль того бедолагу, у которого ты отнимешь язык для подмены. Я бы посмотрел на это.

Инэй цокнула.

– Уговорила. Не умею отказывать девушкам, – шутливо произнес синоби, но шпильку с шеи не убрал. – Я приду за языком через две недели. Но если обманешь... – Он прислонился своей щекой к ее щеке. – Я отыщу тебя по запаху, господа. И сделаю больно. Обещаю.

– Хватит называть меня так, – хотела дернуться Инэй, но почувствовала, как его рука втискивается в узкий карман ее штанов, вкладывая что-то мягкое. Обстановка накалилась. Приходилось терпеть этого гада только потому, что положение, в которое она попала, обязывало подчиниться. Но если правда разобьется, то отравил жертву он, срезал язык тоже он. Трофей целиком принадлежал ему. И что же ей делать? Поблагодарить? Обойдется!

Пусть проваливает скорее из этой спальни, время поджигало, пора уходить в тень.

Незнакомец выдержал паузу, а после ослабил хватку, и острая спица с шелестящим звуком отправилась обратно ему в волосы.

– Уже жду нашей встречи, – прошептал синоби так, будто держал в своих руках любовницу. – Я Юта, кстати, – добавил он. Его теплые пальцы медленно скользнули девушке по шее.

Он смахнул каплю яда с ее кожи, та быстро иссушилась на коже, и залечил саднящее от шпильки место, коротко лизнув и чмокнув его.

Инэй одеревенела и стояла так до тех пор, пока хитрец заново не перемотал пояс кимоно и не вышел из покоев, прикинувшись одним из клиентов.

Что это было?

Его мягкий язык и нежные губы на своем теле Инэй запомнила в ту ночь больше всего.

Глава 6

Карпы

Много лет назад:

Длинные кривые пальцы дзёнина крутили идеально отрезанный язык городского комиссара города Дождя.

– Погони не было? – любопытно рассматривал трофей Киригава, выискивая подвох.

– Я ушла тихо.

– Почему так долго возилась? Были проблемы?

– Н-нет, – замялась Инэй, вспоминая нахального синоби по имени Юта, попавшегося под ноги.

Он отравил комиссара ядом радужной каракатицы. Инэй мало знала об этом, так как это существо обитала в основном в водах Заморья. Чтобы объяснить дзёнину хоть что-то, пришлось прибыть в клан до рассвета и посетить книгохранилище. Отрава радужной каракатицы или яд живого мертвеца, – так устрашающе лекари прозвали соки этого морского гада. Попав в организм, в первые три-четыре часа, человек не почувствует и намек на отравление, но механизм омертвления будет запущен. Спасти от интоксикации можно в первую четверть часа, далее процесс необратим. Жертва станет напоминать курицу без головы, которая еще какое-то время может ходить. Комиссар находился в сознании и даже какое-то

время слышал разговоры людей, но все это лишь из-за рефлексов, угасающих с каждой минутой.

Синоби знал это и подгадал время, чтобы толстый хряк не отбросил копыта до нужного срока. После он просто отвел военачальника а покои, прикинувшись солдатом. Надо признать, это было довольно хитро. У соседнего клана есть чему поучиться.

Конечно, Инэй побаивалась, что их с Ютой ложь вскроется раньше, чем она успеет перейти порог Хрустального зала, но, кажется, обошлось, ведь впервые за долгое время принцесса увидела на лице отца еле заметную улыбку. Он был доволен дочерью, но едва ли признался бы в этом.

Этого не хватило Инэй, чтобы почувствовать себя хоть немного нужной ему.

– Ладно, – Киригава закрыл язык под стеклянный сосуд. – Это я прикажу отнести в новый храм, теперь к делу. Старейшины нашего клана уже решили твою судьбу. Через три дня будут начаты молитвы, барабаны не смолкнут до инициации.

Инэй снова сжала палец. Волнение перекрыло дыхание и в груди заклокотало.

Она увидит меч, возьмет его в руки и призовет демона из Царства Тени.

Но отзовется ли он?

Принцесса закусила губу.

– Ты должна знать, клинок способен сечь пространство надвое и накрывать тенью, но главное – это фамилляр, который выберет тебя.

Улыбка отца погасла. О том, что Царство Тени могло отозваться пустотой, думали все старейшины, включая Киригаву. Эта мысль, как червь проедала дзёнину мозг с самого рождения Инэй. Все мужчины из рода Кохэку брали в руки меч всегда в восемнадцать лет, но инициация Инэй откладывалась целых два года – нарочно из-за страха. Верхушка клана просто боялись остаться без покровительства демонов и потерять свой статус. Киригава продолжил:

– Носитель меча не познает времени до тех пор, пока не появится новый преемник, – нахмурился он, а Инэй немного скривилась. Ни о каких преемниках, разумеется, пока и речи быть не могло.

Пару дней назад принцесса в роли новенькой проститутки была заявлена, как девушка, не познавшая мужчины. Вряд ли госпожа Татцүё стала бы тогда выставять на аукцион кем-то сорванный цветок.

Досмотр был тщательный.

Да и откуда взяться тому, кто осмелится тронуть дочь дзё-

нина? Во всяком случае дзёнин думал, что некому.

Киригава прошел глубже в зал и из прозрачного футляра достал меч, на который Инэй раньше не разрешалось даже смотреть. Его гарда сверкала золотом, а на лезвии выбит рисунок демона, когда-то выбравшего Киригаву.

– Он потрясающий! – воскликнула Инэй, подойдя ближе. Руки так и тянулись коснуться меча, но клинок дзёнина принадлежит только ему, а демон, сидящий внутри, ни за что не позволит ей сделать это. Наследнику разрешено взять его только в день его инициации.

– Меч изменит форму в зависимости от того, какой силой будет обладать демон, выбравший наследника. Стоит подготовиться, Инэй. Инициация требует большой растраты крови и подготовки к слиянию. Тебе требуется отдых.

Принцесса поклонилась. Было заметно, тон дзёнина стал куда мягче, чем неделю назад. Он доволен ей и впервые как будто по-настоящему волновался за дочь.

В своих покоях Инэй надолго задерживаться не спешила. До скрипа отмывшись в горячей бане, она посетила восковые источники – прямоугольные гроты с парной водой, в которые постепенно вливают расплавленный пчелиный воск. Такая процедура лечит синяки и растяжения, а это как раз то, что нужно любому воину после задания.

Время, данное дзёнином для отдыха пролетало быстро. Тже быстро солнце уходило за гору, накрывая небо мерцающим одеялом.

Сегодня принцесса, как и обещала десять дней назад, пойдет кормить карпов.

Когда тонкий месяц поднялся над крышами дворца, Инэй спустилась по дереву вниз и тайком пробралась к журчащему пруду, водная гладь которого рябила от пестрых рыб.

Свет съеденной луны тускло рассеивался по саду. Инэй присмотрелась к каждому углу, оглядываясь на шорохи, но ни за диким можжевельником, пышно разросшимся мягкими листьями, ни за молодым гингко, который рос возле лавочки, не было Хики. Других синоби принцесса тоже не застала.

Сад пуст.

«Где он?»

Волнение заставило сжать кулаки. Она высыпала карпам весь корм, спрятанный кем-то под большим сачком, но синоби так и не появился. Наконец, когда костяшки Инэй окончательно замерзли и покрылись шершавой корочкой, она решила вернуться.

«Хики уже не придет. Нет смысла ждать. Наверняка, он просто задержался».

Отгоняя от себя дурные мысли, принцесса поспешила вернуться обратно.

Когда месяц заглянул в покои Инэй, она отпила из чашки остатки уже остывшего чая и расстелила футон. Ветер шат-

нул ставни так, что осенние листья, лежащие далеко на земле, взмыли вверх и устелились ковром, скрипя сухими краями по татами.

– Ждала меня, цветочек?

Принцесса обернулась и увидела Хики, боком сидящего на раме ее окна. Он утер нижнюю губу рукавом и вымученно запрокинул голову на створку, приоткрыв рот.

– Я сильно замерзла на улице, – Инэй медленно поднялась с колен и шагнула к Хики, наступая на хрустящую листву. – Все в порядке?

Лунный свет слепил ей глаза и мешал как следует разглядеть его лицо.

– Да-а, – отвернулся юноша. Тогда Инэй шагнула вперед, потянув ворот его запачканной куртки на себя. Кровавые следы отпечатались на ее ладонях.

– Чего же ты молчишь, ненормальный?!

Схватив раненного Хики под руку принцесса оперла его на себя и развернула к покоям, усадив поудобней. – Черт, крови много, – пробурчала она себе под нос, обтирая руки о пояс кимоно.

– Вы умеете ругаться, принцесса? – ехидно зашипел Хики, придерживая открытую рану на боку.

– Шуточки шутишь? Тебя стоило бы выпороть за такое безрассудство, глупый синоби! Рана может загноиться, – приложила она губами к его лбу. – Уже загноилась! Ты весь горишь, снимай скорее куртку и все, что одето до пояса, я

принесу еще дров, и поищу, чем можно перевязать раны.

– Как скажешь, – кивнул он, зажав белыми зубами разбитую губу.

Льняной бинт, хлопок и спирт Инэй нашла у лекаря. Взломать его замок не составило труда, но, чтобы достать нить и иглу, пришлось изловчиться, ведь лазарет находился в крыле дзёнина, демон которого способен слышать даже крылья бабочки. К счастью отец, сегодня хорошенько надрался и спал крепче обычного. Так что даже ёкай бы не разбудил. Это подтверждал едкий перегар, которым можно было дезинфицировать целые помещения.

Ворвавшись в собственную комнату с полными рукавами лекарств, Инэй зажгла тусклый фонарь, которой стащила в кладовой, и принялась обрабатывать рану. Она была несвежей, тому подтверждением служили частый пульс и сухой жар, что уже стал знобить Хики.

– Как ты мог за столько времени не обработать рану?

– За нами была погоня. Не было времени. Мы рассредоточились в лесу и перебили разбойников поодиночке, один из них, а-ш-ш, м-м-м, – закричал синоби, поджимая губы. – Один из них особо шустрый попался...

– Потерпи, я обработала, сейчас буду шить. Рана не глубокая, уже стала затягиваться, но очень грязная. Прижми вот тут, – напихала Инэй целую гору очищенного хлопка Хики в ладонь. Он подчинился. Еще бы.

Пальцы аккуратно придерживали скользкую кожу, раз за

разом протыкали ее иглой, затягивая стежки. Когда Инэй закончила с раной, руками она оперлась на бедро Хики. Он взвизгнул, подпрыгнув на выступе подоконника.

– Что, и там? – девушка сомкнула зубы.

Хики молчал, перетерпев острую боль.

– Хики? – зашипела Инэй и не дождавшись ответа, схватилась за повязку его штанов, но рука синоби задержала ее за кисть. Темные глаза девушки опасно блеснули.

– Не надо тебе на это смотреть, – стыдливо сглотнул юноша. – Там царапина, подую и все пройдет, – отмахнулся он, но принцесса вплотную приблизилась, задевая его нос своим.

– Мои руки тебе сейчас только на пользу, синоби, но я ведь могу и оторвать ими твой нос. Показывай! – приказала она.

Словами Инэй умела резать похлеще любого клинка. Хики тут же поддался. Он ослабил руку, мягко погладив ею тонкое девичье запястье сухими от крови пальцами. Больше всего ему хотелось сейчас коснуться ее губ своими, и расстояние между ними было подходящим. Не подходила только ситуация.

– Хорошо. Можешь снять, – смирился он и оторвал мягкое место от подоконника. Продолжая смотреть ему в глаза, девушка аккуратно развязала шнурок и стянула с синоби

штаны. Он вздрогнул, когда мягкие руки Инэй прошли по его венке внизу живота и скользнули вниз к ягодицам. Эти ощущения напрягли его тело и швы на боку больно затянуло.

– О, духи, есть места, куда в тебя НЕ попали?

Мягкая часть бедра, прямо возле паха походила на отбивную. Ублюдок ударил Хики ножом шесть раз, пока тот пытался придушить его. Благо, удары были неглубокими и лезвие не раздробило кость.

Подвинув столик с лекарствами ближе, Инэй собрала волосы и встала на колени. Синоби сглотнул.

– Стой смирно, я попробую зашить этот фарш, – принялась она вдевать нить и казалось, даже не смотрела на то, что так явно выделялось и бросалось в глаза. Хики сгорал от позора отклоняя голову назад, и сильно жмурился, когда ее прохладное дыхание проносилось совсем рядом с его пахом.

«Она смотрит на мой срам с того же расстояния, с которого только что смотрела мне в глаза. Я погиб.»

С серьезным видом Инэй смачивала тряпку, промывала раны, жгла их спиртом, но при этом несомненно поглядывала на то, что Хики старательно пытался спрятать от нее одной ладонью. Это был уже второй за прошедшую неделю обнаженный мужчина, которого пришлось лицезреть. Сконфуженные обстоятельства ничуть не трогали ее совесть, разве что только интерес.

Закончив с нитками, Инэй нанесла антисептик и перемотала рану вокруг бедер льняным бинтом, а затем снова подцепила хлопковый шнурок штанов и не спеша стала их надевать.

«Ты сводишь с ума, Инэй...» – сглотнул Хики, пытаясь спрятать мысли.

– Я закончила, – сказала она, поднимаясь с колен. – Пой! Потерпи-ка еще, – добавила девушка и коснулась спиртовым тампоном спекшейся на вздутой губе ранки.

– Спасибо, цветочек.

Принцесса улыбнулась.

– Теперь ложись на футон, останешься до утра.

От этих слов Хики заперезживал и стал мяться.

– Я запачкаю твою постель кровью. Это ни к чему.

– Не страшно, – скинула с себя пояс принцесса, избавившись от кимоно. Тонкий дзюбан просвечивал абсолютно нагое под ним тело. – Останься, синоби.

«О, нет! Не соглашайся! Уходи домой, Хики, уходи сейчас же! Ты натворишь дел».

Мысли ударили яркими вспышками в голову юноши.

Сердце его забарахлило. Прикусив язык, он поддался, следуя за Инэй к высокому футону. Шелковая постель была поменяна не по сезону и холодила спину. Об этом стоило бы сказать служанке, которая до сих пор не сменила его на утепленный хлопковый.

Принцесса не проронила больше ни слова, лишь смущен-

но отвернулась на бок, подперев руки под щеки.

Бедро Хики ужасно тянуло. Лежать на спине невыносимо сложно. Хики повернулся к Инэй.

«Нашел повод, чтоб дотронуться до нее. Что ты творишь? Она дочь дзёнина! Не смей касаться, не смей посягать». – убеждал себя юноша, но делал обратное, аккуратно накрывая рукой бедро принцессы.

Дыхание поменяло темп. Стало жарко. Хики едва подавил желание поцеловать место за ее ухом, когда позволил себе придвинуться ближе и задел пушок волос от выбившегося высокого пучка на ее затылке. Во рту пересохло, язык прилип к нёбу, а Инэй скользила на шёлке от прикосновений синоби все больше, сдавленно дыша.

Хотела ли она его поцелуев? Она жаждала их в эту минуту, но сказать об этом не решалась, а тело меж тем горело от желания. Стыд накрыл их обоих, когда, придвинувшись поясницей ближе к Хики, Инэй вплотную прислонилась к твердому бугорку. Всей спиной она ощущала, как он пульсировал через одежду, но отстраняться не стала.

«Хочется потрогать его». – думала Инэй, ведь хорошо запомнила рельеф на узком торсе и вздутую венку ведущую к паху. Одна только мысль пробуждала любопытство.

Жар от раны спал, но футон треща горел, как костер от пересушенных веток.

Когда рука Хики поползла по силуэту Инэй вверх, она за-

мерла, а конечности нервно дернуло. Пальцы синоби холодили ткань дзюбана, лаская центр нежного живота. Никто не решался сказать о чувствах в эту минуту. Они не видели лиц друг друга, иначе бы расплавились от стыда, но неумное тело, не знавшее близости, требовало большего. Бороться с собой было все труднее.

Хики рвано выдохнул, обдав горячим дыханием приоткрытый ворот на спине принцессы, и не в силах больше держать себя и свои руки под контролем, нашел край запаха дзюбана Инэй, а затем ее лоно. Она охнула.

Кожа там была мягкой и гладкой, на ощупь похожей на персик.

«Что я делаю? Меня четвертуют за такое. Зайди сюда сейчас любая служанка и через минуту я лишусь всех конечностей, которыми хочу коснуться ее. Я не имею право трогать эту девушку. Инэй после всего этого бестыдства не сможет смотреть мне в глаза, но кажется готова ко всему, что произойдет сейчас, а я... я уже на грани...» – смутно помышлял Хики, но не убирал руку, и сам того не ожидая, коснулся точки, от которой девушка заерзала быстрее, теснее прижавшись к синоби.

«К черту, пусть четвертуют! За такое и умереть не страшно».

Боль от ран испарилась, тело приятно скололо. Раскрасневшаяся принцесса закусила губу, подавляя стоны.

– Тише, только не кричи, – сбито прошептал Хики и горячо впился губами между ее лопаток.

– Не останавливайся, я сейчас...

Хики задвигался чаще, понимая, что и сам больше не в силах. Несколько надавливающих движений и бедра Инэй стиснули его ладонь.

– Больше не могу, а-а, – прошипел он, – Не могу терпеть, – и прижав девушку к себе, он напрягся и стал рвано глотать ртом горячий воздух, пальцами продолжая удерживать лоно, а после, вспотевшим лбом прислонился к спине Инэй.

«О духи, что мы наделали?» – Первое, что пришло в голову. Меньше всего синоби хотел, чтобы она поворачивалась прямо сейчас. Мокрое пятно на ее спине сразу впиталось в ткань дзюбана, потрепанный вид и раны, бережно перевязанные девушкой его грез, оголились от подвижности.

Холодный осенний ветер загулял по покоям, унося вон из окна кисловатый аромат мускуса и влажной кожи.

– Прости меня, Хики, – после недолгой паузы заговорила Инэй. – Это моя вина. Я не смогла удержаться и воспользовалась твоей слабостью.

Откинув голову назад, Хики мягко сжал ее плечо. Он не знал, как теперь ему вести себя, как оправдываться.

– Я не хочу уходить прямо сейчас... – оборвал он.

– Но тебе пора, – продолжила девушка.

– Светает. Нас могут застать, цветочек. Группу с которой я прибыл, утром вызовут на доклад. Меня могут потерять.

Прости. Не думай, что убегаю от тебя после всего, как трус. Я разделяю с тобой этот стыд, цветочек. Клянусь. – он приподнялся на локтях, но понял, что принцесса не желает видеть его лица. Тогда поддел ее запястье и приложил к своему лицу, прикрыв глаза.

– Я сделал сегодня то, о чем буду вспоминать всю жизнь. Поступок, за который теперь могу отправиться на эшафот. Но я не жалею об этом. То, что случилось между нами – было прекрасно.

– Возвращайся быстрее, синоби. Не оставляй одну, – теперь она могла улыбнуться, но смотреть ему в глаза не торопилась.

– Обещаю, – поцеловал он ее синеватую, выпирающую венку, резавшую руку до локтя, а после аккуратно встав, захромал к окну.

Глава 7

«Тэнно»

Как и рекомендовал господин Йо, Ютака хорошенько выспался. Он открыл глаза, когда совсем стемнело.

«Черт. Так это не сон. Я и впрямь в личных владениях господина и госпожи Йо». – перевернувшись на футоне подумал заклинатель.

Фонари еще не зажглись и в доме было странно тихо. Отлепившись от мягкой постели, Ютака нырнул за дверь. Его тело и новая одежда пахали чистотой, а сальные когда-то патлы теперь ухоженно блестели и были собраны в пучок, но небольшую часть волос заклинатель все же оставил струиться по спине.

Давно он не выглядел так ухоженно.

– Сойдешь теперь за господина, – появился в проходе Кай, протирая лоскутком свои очки. – Мое кимоно пришлось тебе впору, как погляжу.

Ютака осекся.

– Ваше кимоно?

– Ну а чье ж? Новое платье за пару часов тебе ни одна фея бы не сшила, а одежда Йо ляжет складками на твоих плечах, – с умным видом заключил Кай, осматривая Ютаку. – Мыльный корень тоже неплохо отмыл шевелюру. Хорошо

выглядишь.

– Спасибо... – растерялся заклинатель, почесав затылок.

– Я улучшил состав шампуня, добавив туда глицерин, – довольно сощурился господин Кай на последнем. – Так волосы становятся шелковистыми, да и отмываются куда лучше.

Заклинатель сглотнул.

«Про мыло мне втирает, а сам пару часов назад называл бродягой и смотрел, как на блоху. С каких небес на него сошла доброта?».

– Возле очага есть горячие лапша и бульон, – добавил казначей, – Лопай, и я отведу тебя к Чайному дому. Йо уже зажигает фонари.

– Благодарю, но я не голоден, – пожал плечами Ютака. Он привык перебиваться едой как получится, иногда не ел по несколько дней. Наестся до отвала и сорвать с голодухи желудок было сейчас проще простого, да и пища после горячей бани, съеденная в обед, вряд ли успела перевариться.

– Ну, – удивился Кай. – В таком случае следуй за мной.

Мужчины завернули в левое крыло, в котором Ютаке еще бывать не приходилось. А вот зайти к Дано ему хотелось, но он постеснялся бы сделать это в одиночку, поэтому решил подбить под это казначея, скромно начав разговор:

– Госпоже Дано уже лучше?

– Бредит. Саёри не отходит от нее, но шансов на хороший исход немного, – выдохнул Кай. – Если кость задела легкое, Дано вряд ли выживет, – сжал он кулаки. – Необходимо най-

ти этих ублюдков и заставить заплатить за такую дерзость.

– Для этого вы наняли меня? – смекнул Ютака.

Кай остановился, нервно одевая очки.

– Именно так. В Чайном доме никто не должен догадаться об истинных намерениях твоего присутствия, но люди обязательно станут интересоваться и разнюхивать, кто ты такой. Будешь представляться сводным братом госпожи Саёри, прибывшим издалека. Твое неумение вести связную речь выдает тебя, – буркнул Кай.

Заклинатель скорчился, будто его прихватило, но в целом казначей был прав. Ютака не был обучен деловому разговору.

– Представься, как пришелец с севера. В тех краях самый простой народ. Правда, на физиономию ты все же равно больше южанин...

«Физиономия, значит? Ну, спасибо», – вспыхнул Ютака, но возражать не стал.

– Что еще мне нужно знать?

– Стань тенью этого дома. Будь везде и одновременно нигде. Не втирайся в доверие к господам, молчи, пока не спросят и, особенно, не играй ни с кем в азартные игры – тебя оберут до нитки! Правда, что-то мне подсказывает, что взять с тебя все равно нечего, а убытки Чайному дому нам ни к чему, – оглядел его Кай сверху вниз. – Я пригляжу за тобой, как только освобожусь.

– Не переживайте, меня никто не заметит, – развел рука-

ми Ютака и подмигнул Каю.

Тот подозрительно сверкнул глазами, но вместо привычной ему полемики смог только выдохнуть в ответ.

Тон казначея поменялся на более дружественный, хотя недоверие все еще проглядывало сквозь его очки.

– И вот еще что, – вспомнил Кай подходя к темной комнате с маленькой дверью. – Тебе нужен клинок, – Он сдвинул дверь, та мягко съехала в сторону. На висящем справа крючке зажег фонарь, и приглашающе пропустил Ютаку вперед.

Острая сталь оружия блеснула в полумраке. Первым делом зачинателю бросились серпы с тонкой цепью на конце рукояти. Они висели выше всего и наверняка были памятными для хозяина этой комнаты. Рядом Ютака увидел сюрикены разных размеров и узоров, что хранились под стеклом. Их было штук тридцать, не меньше. Нельзя было не заметить, что некоторые из них стерты, а лезвия искривились – значит, их использовали в бою.

«А нехилая оружейная у четы Йо».

Узкие клинки с плетеной рукоятью изящно дополняли вид этой комнаты. Они покоились на деревянных подставках горизонтально, ожидая своего часа.

– Бери любой, – с любопытством наблюдал Кай за удивленным Ютакой.

– Я заклиная огонь, – отвлеченно отрезал мужчина, но

глаза его так и бегали по блестящим ножнам разных клинков. – Вряд ли мне понадобится металл.

Казначей будто не удивился этому упрямству.

– Металл не знает усталости, – парировал он. – К тому же добавляет значимости. Если носишь холодное оружие, значит владеешь мастерством. Любой господин, видя меч на твоём поясе, задумается о том, каков ты на зуб, но едва полезет на рожон, чтобы проверить это. А свои огненные фокусы оставь пока для женщин.

«Вот ведь заноза. Окунул по шею, а потопил на дно. Ладно. Чайный дом и правда не место для выступлений с огнем».

Ютака неохотно кивнул и потянулся к клинку с круглой черной гардой и белым плетением. Сая этого меча была обтянута зернистой кожей, а когда Ютака оголил клинок, сталь приветливо подмигнула ему.

– Недурно, правда? – сиял казначей. – С таким мечом, пожалуй, ты сойдёшь даже за средний класс. Но все равно, никаких бесед с гостями!

– Ладно, я понял, – поклонился закллинатель, чем вызвал у Кая удивление, смешанное с уже знакомой брезгливостью. – Спасибо.

Дом Цветочного ветра уже во всю встречал напомаженных искусниц и серьезных господ. Высоко подняв двойные подбородки, здешние чиновники усаживались за длинные низкие столики из черного дерева и заводили насущные разговоры о политике, окружая себя красивыми женщинами.

Ютаке только сейчас удалось разглядеть, насколько выдержано и строго здесь располагалась мебель, насколько выглажена форма у служанок и как размерено, будто ручьем, течет жизнь этого Чайного дома. Выдавленную ранее дверь на заднем дворе он заметил тоже. Ее полотно уже успели заменить, а кедровые откосы начистить до блеска. В свое утреннее появление заклинитель проявил несусветное хамство, но стыд за этот поступок ощутил только сейчас.

Гости начали заполнять столы.

Даже при их малом количестве ощущался демонический смрад. Для ловца он был похож на запах тухлых яиц, впере-мешку с древесной гарью. Невидимым туманом он стал тянуться по залу, поднимаясь все выше.

«Что за черт? Здесь каждый второй одержим что ли? Ощущение, будто я угодил в самое гнездо демонов, когда приехал в этот город. А раз так, все это явно неспроста. Ёкаи что-то затевают. Так повеселимся же и узнаем что именно!»

На удивление, в зале было тихо. Завсегдатаи уже обратили свое внимание на новенького хлыща, что усаживался за один из столов, и стали тихо перешептываться, оглядывая Ютаку, как аппетитную добычу. Не все здесь были одержимы демонами, но многие одержимы собственным статусом.

– Прошу прощения, господин, – позвал один из трех муж-

чин, сидевших напротив Ютаки, отвесив тому уважительный поклон. – Не угодно ли вам пересесть за этот стол? Наши женщины скрасят ваше одиночество, а теплый напиток согреет душу, – заинтересовано произнес мужчина средних лет в дорогом кимоно с сединами на висках.

Все трое смотрели свысока, не скрывая этого, однако, в вежливости им было не отказать. Значит, птицы важные, сидят где-то подле главы города.

– Боюсь, что могу показаться скучным собеседником, – высокопарно ответил Ютака и поклонился в ответ.

И откуда только у него взялись сейчас эти манеры? Глаза тех двоих, что сидели по оба плеча от говорившего, с интересом прищурились. Наверняка они были чином ниже, возможно, выслуженные солдаты, но Ютака старался не рассматривать их, чтоб не вызвать подозрение.

Расслабленно, делая вид, что те едва ли могут заинтересовать его, заклинатель подозвал служанку.

– Что вы, право. Один из господ, что должен был прибыть к нам, заболел. Его искусница норовит лишиться сегодня внимания. Мест у нас как раз на четверых, – продолжал заманивать незнакомый гусь, и Ютаке вспомнились слова Кая.

«Вот же упрямый мужик. Его явно распирает интерес. Но казначей запретил мне общаться с кем-либо, только наблюдать. Рискую потерять работу в первый же день, но од-

ними наблюдениями я вряд ли что узнаю».

– Ну же, смелее, – голодным прищуром покосился незнакомец, и Ютаку неприятно дернуло.

Если это демоны, обратной дороги уже нет. Он на крючке и по запаху они легко выследят заклинателя, куда бы он потом не отправился. Не хотелось бы навести их на Дано таким образом. Лучше узнать наверняка и убить сразу.

– Ну не станете же вы обижать нашу майко пренебрежением, – подытожил хитрец и приглашающе раскинул руки.

– Разумеется, – снова поклонился Ютака и встал с мягкой подушки, жестом отпустив служанку.

Стол этих господ валился от яств, а теплую рисовую настойку, завернутую в полотенце, подали как только пятая точка Ютаки успела принять удобное положение. Искусница придвинулась ближе, слегка задев локтем широкое плечо заклинателя.

– Прошу, простите мне мою нескладность, – овечьими глазами взглянула девушка и, аккуратно убрав в сторону широкий рукав, взялась за графин, чтобы налить напиток гостю. Этот жест показался странным, будто невесомым знаком, который совсем юная майко пыталась подать. Ее взгляд, как и взгляды большинства остальных женщин, продающих свое искусство, умел скрывать правду за их кристально чистым блеском. Они были замечательными актрисами.

– Не страшно, – хотел помочь ей Ютака, но вовремя осекся, расслабленно сложив руки.

– А-а, вижу, ученица пришлась вам по душе, господин, – довольно улыбнулся незнакомец.

– И то правда, – подтвердил заклинатель.

– Позвольте мне представиться – Рико Танака, – поклонился он. – А двое моих спутников – господа Ю и Ватари – стал любезничать Танака, перетягивая внимание на себя.

– Очень приятно. Тогда и я поспешу назваться. Меня зовут Ютака Мидзуно, – сообщил он с уверенностью, что в этом месте мало кто знает о нем.

– За встречу! – Танака с нетерпением поднял глиняную стопку, выставив ее вперёд.

– За встречу, – слились голоса Ютаки с общим баритоном остальных двух.

После нескольких таких стопок разговор пошел более уверенно.

– Скажите, господин, что привело вас в этот Чайный дом сегодня? – решил поинтересоваться мужчина, назвавший себя господином Ю.

Ютака аккуратно промокнул края губ влажным, еще теплым полотенцем.

– Мое решение посетить этот дом не является секретом. Я искал здесь старого друга, правда пока не нашел его среди гостей.

– О-о, семя дружбы! – воскликнул Танака. – Его необхо-

димо поливать, как цветок. Вечер в самом разгаре. Уверен, вы еще встретитесь.

– Несомненно, – кивнул Ютака.

Господа выпили снова. Взяв в руки палочки, заклинатель подцепил кусок белой рыбы и мокнул ее в острый соус.

– Простите мне мое любопытство, господин Мидзуно. Но, как человек, вынужденный часто посещать подобные места, не припомню, чтобы видел вас здесь раньше. Вы, должно быть, приезжий? – из уст Танаки проскользнула едва уловимая насмешка, ведь Ютаку нельзя было назвать той знатью, с которой приходилось сидеть сейчас за столом. Его статус понял бы даже нищий, но он совсем не оскорбился, а, наоборот, охотно поддержал разговор.

– Вы весьма наблюдательны, господин.

«Эти скользкие черви уже подкапывают себе могилки, так неприкрыто вынохивая обо мне. Ну ничего, поломаю комедию еще, ради забавы». – прыснул себе Ютака и продолжил:

– Мой род деятельности часто заставляет меня странствовать по острову. Вы правы, в этом доме я впервые, проездом.

– А-ах! И вы находите подобный образ жизни привлекательным? – поинтересовался Танака, закусывая кусок полусырой говядины с тонко нарезанными овощами. Их хруст напомнил заклинателю хруст ломающихся человеческих костей во рту у демона. Он представил, как Танака поедает человеческую плоть. Мог ли этот холеный господин оказаться

мерзким ёаем?

Его вопросы становились все жесте, все бестактнее, но Ютака с легкостью принимал их, пережевывал и выплевывал, как вкусный сахарный тростник.

— О, да, господин, нахожу. Не из чувства собственной важности, а из побуждений веры я считаю, что приношу пользу там, где появляюсь. Одни называют меня уборщиком шлака, чистильщиком, если хотите. Я не обижаюсь. Но так или иначе, меня приглашают для избавления надоедливых тараканов со святой земли.

Мясо господина утонуло в соусе, выскользнув из палочек. Угроза в глазах Ютаки отпечаталась на лицах всех троих оппонентов. Он заставил этих господ засомневаться в его простоте.

В зале стало душно. Запах дорогого ладана, исходящего от одежды взмокшего Танаки, теперь смешивался с просочившимся ароматом тления, который наконец смог почувствовать от него Ютака. Маскировка смрадного душка молитвенными маслами — обычное дело для демона. Хорошо перебивает вонь и заставляет поверить в искренние намерения того, кто уж давно своим телом не владеет.

— Интересно, — прищурился Танака, по-новому взглянув на Ютаку. — Как вы считаете, господин Мидзуно, если вы составите нам компанию в игре, ваш друг не обидится, что мы украли у него вечер? — будто невзначай спросил он, зализывая пальцами седины по бокам.

Предложение поиграть было основным из списка запретов господина Кая. Ютака закусил язык, фальшиво натягивая уголки губ.

«Ушлый тип. Чего он добивается? Если это демоны, то Танака явно носит маску Они, ведь по остроте ума двое других и в подметки ему не годятся. Учует, что я сомневаюсь, и попытается убить меня еще до конца вечера, а я совсем не хочу завязывать драку при посторонних. К тому же Кай убьет меня быстрее, когда увидит, во что я ввязался, пока его пристальных четыре глаза не смотрели в мою сторону».

– Думаю, друг с интересом понаблюдает за нашей игрой,
– Ютака громко принял вызов.

– Прекрасно! – заулыбались все трое. – В какую игру желаете сыграть? Кости или, может, игра в Го развеселит вас больше?

«Чтобы понять этого хлыща, понадобилась бы игра посложнее. Го учит правильной стратегии, усидчивости и логике, кости же – это пятьдесят процентов везения и столько же хитрости. Чтобы сбить спесь с этого толстосума, здесь нужно что-то другое, да и играть на деньги в счет Чайного дома совсем не хочется. Я не силен в азартных играх».

– Хочу сыграть в «Тэнно», – уверенно заявил Ютака, и лицо Танаки приобрело серый оттенок. Наверняка заклинатель смог удивить этого господина. Еще он чувствовал: это ёкаи, но пока его догадки не были подкреплены фактами, а

демоническая вонь постоянно смешивалась с запахом горячих блюд, табаком и сладковатым ароматом масел для тела.

Танака рассмеялся:

– Что? «Тэнно»? Детская игра на блеф? Это весьма забавно, господин Мидзуно, – все сильнее распалялся мужчина, поправляя пояс своего наряда. Остальные подыгрывали ему, нарочно высмеивая решение заклинателя, но их улыбки быстро скисли, по одному еле заметному взмаху хозяина. Ютака слегка прищурился, заметив этот собачий жест. – Ну что ж, охотно сыграю с вами, – заключил Танака. – Любезная, принеси нам карты, – погладил он по плечу свою искусницу.

– С удовольствием, – улыбнулась ему девушка, но в искренность этой улыбки Ютака не поверил.

Главной целью игры «Тэнно» является захват противника, который обладает своей силой. Вначале каждый игрок выкладывает перед собой три карты простейшей масти – **крестьянина** – рубашкой вниз, а остальные десять остаются в руке. Так же в колоде имеются карты мастей **синоби, искусницы, монаха и императора**, которые обладают разной силой и защитой при нападении. Требуется нападать друг на друга картами разных мастей, запоминая предыдущие ходы противника. Меньшая по силе карта забирается противником в плен.

Господа переместились на второй этаж. Правое крыло дома скрадывало посторонние звуки и предназначалось для

игр и уединения. Бумажные фонари здесь тускло тонули в полумраке, а дым от трубок резал глаза. На низком столике Ютака увидел заранее подготовленные искусницей карты. По правилам первые три карты раскладывались мастью **крестьянина**. Господин Танака начал атаку первым, указав на карту Ютаки, лежавшую посередине.

– Тройка всегда бьет двойку, – ухмыльнулся Танака, пожав плечами. Двое господ, все так же окружавших его по обе стороны, поддерживали усмешку. – Играть нищими картами совсем не интересно, друг мой. Нападайте вы.

Масти, покинувшие линию, сменились с руки на новые. Ютака, не глядя, выдвинул карту слева, указав на новую карту соперника. Танака поспешил вскрыть ее. Это была карта **императора**. Сам по себе он не может нападать, но его защита позволяет отбить любую масть противника. – Видите ли, господин Мидзуно, мир, как и выбранная вами игра, состоит из иерархии. **Император** не просто правит – он воплощает порядок. Под его твердой рукой земля процветает, а те, кто идет против него, просто удобряют почву для будущих урожаев.

Губы Танаки растянулись шире, чем у обычного человека, а глаза казались двумя застывшими каплями смолы.

Ютака перевернул карту, которой напал. Ею оказалась тройка **крестьянина** – во всех смыслах проигрышная, но теперь заклинитель знал какую карту с руки достал Танака.

Хоть тройка и уйдет к нему в плен, переставлять или менять **императора** этот господин больше не сможет. Она останется на виду.

– Порядок – это хорошо, господин Танака. Но иногда император забывает, что его дворец стоит на плечах тех, кого он может не замечать. А еще бывает, что те, кто прячется в стенах его дворца...вовсе не люди.

Ютака пристально смотрел в глаза чиновнику, и его рука коснулась гладкой рукояти меча, лежащего сбоку на татами. Танака тихо рассмеялся, добавив еще одну масть к стоящим трем. Похоже, правила игры перестали интересовать его.

– Ты ищешь подвох там, где нужно искать возможности. Посмотри на **искусницу**, – вскрыл он четвертую карту. Она – само изящество, тихий шепот на ухо власти. Она знает тайны, которые могут превратить демона в бога, а ловца – в легенду.

Ютака еле протолкнул слюну к горлу. Шнурок рукояти затрещал от натуги.

«Демона в бога, говоришь? Хитрый черт, не слишком ли сильно ты выедаешь себя?».

Танака продолжил:

– Зачем тебе эта пыльная жизнь бродяги? С твоим особым талантом ты мог бы сидеть по правую руку от сильнейших. **Искусница и император** – это союз силы и тайного знания. Переходи на эту сторону, Ютака. Стань частью новой эпохи.

Танака подвинул карту ближе к руке заклинателя, словно предлагая взятку. Воздух в комнате стал тяжелым, но Ютака все же сумел усмехнуться.

– Заманчиво, господин. **Искусница** красива, а **император** велик. В правилах «Тэнно» сказано, что этот дуэт непобедим для любого лобового удара. – заклинатель занес руку над столом. Его пальцы на мгновение зависли над колодой. – Но вы забыли одну тонкость этой игры, господин Танака. **Император** правит днем, **искусница** – ночью. Однако, есть тот, кто живет в пространстве теней. Тот, кому не нужны дворцы и признание. – Ютака бросил карту на стол, перекрывая сразу обе масти противника. На пожелтевшей бумаге был изображен безликий силуэт в черном, сжимающий короткий клинок. – Карта синоби. Согласно правилам игры, если эта карта сыграна в последний ход против «власти», он не захватит трон, но оборвет нити.

Тишина в комнате стала звенящей, а огонек в фонарях испуганно дернулся. Ютака встал из-за стола и немного наклонился к господам. Взглянув на женщин он тихо проговорил:

– Чтобы вы знали: я не ищу места за вашим столом, господа. Я пришел, чтобы перевернуть его, – голос заклинателя потяжелел и рухнул булыжником, разбивая мечты Танаки о сотрудничестве, которые тот успел выстроить за их короткий разговор. – И сколько бы лиц вы не меняли, под каким бы шелком ни прятали запах смрада... я буду тем клинком, который придет отсечь ваши головы. Игра окончена, господин

Танака. Я вскрыл карты.

Искусницы охнули. Танака медленно убрал руки со стола. Его лицо на миг исказилось в ярости, но он быстро вернул себе самообладание.

– Смелый выбор, господин Мидзуно... – с сожалением выдохнул чиновник. Голова Ютаки за подобные высказывания могла бы уже висеть на пике, но так бы распорядился человек, которого в Танаке уже давно не было. – Смелый. Для того, кто хочет дожить до рассвета. – продолжил он фразу, но в ответ услышал лишь кривой смешок.

– Рассвет всегда наступает. Вопрос лишь в том, кто из нас останется, чтобы его увидеть.

Заклинатель поклонился – коротко и дерзко – и вышел в коридор не оборачиваясь, чувствуя, как за его спиной разгораются два нечеловеческих глаза.

– Для тебя, паршивец, игра только началась.

Глава 8

Плохие манеры. Урок чайного этикета.

– Что я говорил на счет поведения в нашей чайной? – разъярялся господин Кай. Стекла его очков дрожали от гнева. Скинув их на столик, он схватился за переносицу. – Я же тебе строго-настрого наказал стать невидимым, стать тенью!!! А ты что? Пропал теперь наш Чайный дом...

Ютака устало зевнул, опустив голову. Кажется, его сильно измотала беседа с теми господами.

– Да-да, Ютака Мидзуно – плохой ловец, я понял. Не стоит продолжать, господин Кай. Но эти трое просто вынудили меня сесть к ним за стол.

– Ты играл с ними в «Тэнно»! Ты играл с чиновниками в игру для детей, чтобы понять, демоны они или нет?! В голове не укладывается! И он называет себя ловцом, ч-черт?! – Кай пнул ногой татами. Его негодование разлетелось по пустым стенам дома.

– Довольно драмы, Кай. Не затем ли мы и наняли Ютаку? – спокойно проговорил хозяин дома, спрятав руки в складках кимоно. – Ему нужна была хоть какая-то информация, и он воспользовался случаем.

– Демоны преследуют определенную цель, – продолжил заклинатель. – Из состоявшейся беседы и игры в карты не трудно было понять их намерения. Ёкаям нужен контроль

над всеми политическими верхушками. Еще, похоже, они чувствуют магов.

– Как ты понял это? – Йо подался вперед, сдвинув брови.

– Заклинатели стихий – большая редкость. С тех пор, как я стал ходить по этой земле, я наткнулся на подобных себе всего трижды. Танака, наверняка учуял во мне заклинателя и предложил занять место в его рядах. Думаю, демоны собирают сторонников.

– Неожиданно, если вспомнить, что основной целью демонов всегда оставалось примитивное желание пожрать человеческую плоть, – вставил Йо, потирая лоб.

– Меня это удивило не меньше. Сегодня я потревожил «осиное гнездо», заявив им о своих намерениях... И понял, что мы ничего не знаем об этих существах...

– Что ты сделал? – дернулся казначей, нависая над Ютакой.

– Теперь необходимо найти «матку» этого гнезда, продолжил заклинатель. – Уверен, это как-то связано с искусницами. – заключил он, устало пожимая плечами. – Вы должны знать: бросая вызов демонам, нужно быть готовым к их незамедлительному нападению.

– Ты рассказал им правду о себе? – выплюнул Кай. Кожа на его костяшках затрещала от натяжения. – Да кем ты себя возомнил? Втянул наш дом в эту разборку! Ты подумал о том, что будет с Дано? Что будет с Саёри? Как вообще твои выборы отразятся на этом месте, тихий мир которого ты наг-

ло нарушил?

Ютака поперхнулся.

– Демоны в открытую ходят среди людей. Они здороваются и выказывают вам свое почтение в этом доме каждый день, – сквозь зубы процедил заклинатель, приняв статичную позу. – Это не два-три одержимых, которых легко обезглавить. Эти твари собирают армию. Прикрываясь властью, они станут превращать людей в рабов. Вы хотите так жить? Печетесь за свое теплое местечко, в котором все до потолка провоняло серой!

– Ты забываешься, бродяга! – прорычал казначей, упершись лбом в лоб Ютаки. – Тебя приютили из жалости, а ты в первый же день проявляешь невежество и смеешь ставить условия хозяину этого дома! – ткнул он пальцем заклинателя в грудь.

Воздух между этими двумя вскипел. Вены Ютаки налились красным, глаза запылали, но вряд ли он всерьез злился на очкастого, к тому же чувствовал себя паршиво.

– Кай, – тихо произнес Йо, но тот не услышал хозяина.

– Хватит закрывать глаза на то, что происходит вокруг тебя, казначей. Я не смогу помочь, если буду топтаться на месте. Не мешайте мне делать работу, на которую сами меня наняли.

– Ютака прав! Дело здесь не только в защите Дано и нашего дома. Это касается всех людей города. Нужно узнать, кто стоит за этим и за спинами каких шишек он прячет свою

маску.

Кай отстранился первым. Пульсирующие мышцы на его шее и лице расслабились. Он обреченно выдохнул через нос.

– Делай дальше свою работу, ловец. Мне просто... нужно принять то, что все уже не будет, как прежде. И если понадобится моя помощь...

– Да! – согласился Ютака перебив его мысль. – Понадобиться. Заварите, пожалуйста, чай покрепче и уходите. Скоро здесь будет жарко.

Заклинатель был уверен: Танака не простит ему такой дерзости и был готов к скорому появлению демонов. Чайный дом «Цветочного ветра» сегодня будет разгромлен. Это понимали и хозяин, и дотошный казначей. Но уж лучше разобраться с этим здесь, за массивными деревьями и садом, чем у всех на виду.

Обычно Ютаке приходилось подолгу уламывать демонов принять свой истинный облик, отвешивая им вшивые комплементы или выставляя их на посмешище, но появление этих морд «во всеоружии» стало неожиданностью, даже порадовало.

Своим единственным огромным рогом, торчащим из центра лба, крепкий красный ёкай с ревом протаранил дверь заднего двора.

«Вот же черт, опять эта дверь... что за невезение? Чую, теперь я задолжаю дому крупную сумму за порчу имущества...»

Бумажные ширмы разлетелись в стороны, когда демон ударил по ней внушительной палицей. За его грузными плечами показался второй – с синевато-зеленой кожей. Он был неестественно худым, с длинными когтями, которые оставляли борозды на татами.

– Где ты, заклинатель? Ты проявил глубокое неуважение к предложению господина сегодня вечером. Мы пришли, чтоб выпить твой огонь! – взревел первый, занося палицу для удара.

Ютака сразу признал в них тех самых скалящихся гиен, что сидели по оба плеча от Танаки. Как и думалось, на них не было масок – лишь мерзкий облик шестерок. Развалившись на высоком стуле возле стойки с напитками, Ютака не поднял и взгляда на треп демона. Он лениво качал ногой и дул на поверхность потемневшего от долгой заварки напитка, собираясь отпить. – Как смеешь ты хамить молчанием, когда говорят с тобой, смертный?

Тяжелое железо со свистом полетело в заклинателя, тот скользнул в сторону.

Раздался треск посуды.

– Вот блин, – прыснул Ютака. – Грохнуть такую чашку... Теперь в сервизе будет не хватать... – почесал он подбородок.

– Ты что, больной? Мы пришли сожрать тебя! – мерзко провизжал тощий демон. В своем крике он выглядел жалко.

Из пасти стекала омерзительная зеленая слюна. От такого зрелища заклинатель скривился.

– Фу, а вам, ребятки, внимания не хватает, как погляжу. Вы не терпите, когда его перетягивают на себя другие. Даже сразу в облике появились – с шумом, с грохотом, ух! И как вы не лопнули от молчания там, за карточным столом? – Ютака понизил тон на последнем.

– Мы бы сожрали тебя прямо там, шутник!

– Верно-верно, но папочка Танака крепко держит за яйца своих шавок! – дернулся Ютака, и демоны заревели.

Синий метнулся вперед, разорвав под собой татами, а красный выдавил из ноздрей пар и нанес удар палицей по балке. Дерево треснуло и разлетелось на острые щепки. Ютаке пришлось кувырнуться назад, когда тощий ёкай замахнулся и полоснул своими когтями Ютаке прямо по груди.

Ткань кимоно разъехалась надвое, но на коже не осталось ни царапины. Ютака оголил белые зубы растягивая в ухмылке уголки губ.

– Мимо! Попробуй еще, – закусил он губу и снова подпрыгнул.

Вжих!

Подаренный клинок, что был привязан к поясу, со свистом покинул ножны. Скрежет металла врезал по ушам, и одним скорым движением острие блеснуло возле носа красного демона. Тот замер.

– Эй, красный! – бросил Ютака ему через плечо. – Ты что-то потерял.

Огромный рог – достояние каждого демона – медленно соскользнул с головы и с глухим стуком упал на разъехавшиеся татами. Демон потянулся к голове. Смотреть на потугу злости и ярости было удовольствием для заклинателя. Больше всего он любил унижать эти морды.

– УБЬЮ! – развернулся демон и шлепнул палицей об татами снова.

– Ой, какие вы шумные, – Ютака прикрыл ладонью ухо, отпрянув назад. – Ладно, ребятки, пора баиньки! – Улыбка с его лица спала, запястья напряглась, а воздух в душном помещении стал пропадать, испаряться. Инстинктивно демоны попятились назад, почувствовав, как от этого человека повеяло раскаленной и жутко обжигающей силой пламени. Сжечь ёкаев было бы легче простого. Одно движение в нужной технике дракона – и можно идти дальше пить остывший чай. Но дом хозяина Йо Ютака калечить огнем бы не стал, поэтому его второй техники сжатия воздуха было вполне достаточно.

Он свернул руку в кулак, высвобождая поток магии, которая толкалась в выступивших венах оранжево-красным светом, и ёкаи пали на колени. Пламени не было, только угарный газ, который обездвигил их. Прижимаясь к полу они, подобно рыбе, оставшейся без воды, стали рвано двигать че-

люстью, испуская хриплые звуки.

– Демоны или люди – все мы здесь дышим одним воздухом, и, если его перекрыть... – скорчился мужчина, задержав дыхание, и занес над ними клинок. *«Можно легко голову потерять».*

Два разящих удара наискось – и волосатые кочерыжки демонов отлетели на пол, а затем истлели в наполненном гарью помещении.

– Ну вот и ладушки. Надеюсь, в следующий раз пришлют кого-нибудь поинтереснее, – проглотил он последнее и стал наскоро открывать ставни, разгоняя гарь руками, хотя вряд это могло помочь сейчас разгромленному дому.

– Класс, – огляделся заклинатель, разведя руками. – Кажется, я теперь еще и в долгах.

На дверях перед Чайным домом «Весеннего ветра» этим утром вывесили огромную деревянную табличку с нанесенной на ней тушью надписью: «Простите, мы временно закрыты на ремонт». Только так господин Кай сумел скрыть погром, учиненный Ютакой прошлой ночью.

– Этот невежа разнес всю нашу чайную, Йо! – жаловался Кай хозяину. – А ты снова молчишь. Уважаю твое неистощимое терпение, но я повешу долг на этого безмозглого растяпу ловца и вычту половину из предоплаты, которую ты ему дал! – надулся казначей. – Он сломал несущую балку, ч-

черт бы его побрал! Теперь работы на месяц, не меньше!

Йо устало закатил глаза.

– Этот, как ты выразился, невежа спас нас этой ночью, Кай. Стоило бы дать ему прибавку, а не лишать единственных грох из кармана. С каких пор ты стал таким жадным, друг мой? – улыбнулся Йо и зашагал к дому.

– Сколько еще говорить? Я – казначей! Это моя работа, – засеменил следом Кай. – Ты куда это? Скоро приедут рабочие, ты должен помочь мне выбрать подходящий оттенок древесины, Йо!

– Боюсь, тебе придется отпустить их, – Хозяин смахнул огромную дождевую каплю, упавшую на его подбородок, и меланхолично уставился вверх.

На небе ни тучки. – Йо сощурился. Влага на пальцах быстро впиталась в его кожу. – Чувствую, у нас сегодня будут гости, – замер он и Кай, закрывая ладонью слепящее на небе солнце, вдруг скорчился.

– Что с тобой, Йо? Куда ты смотришь?

– Мальчишку станут искать, и Танака непременно заявится снова, но уже по наши души. Проводишь его в можжевелевую беседку, подальше от нашего дома. Он явно одержим и сам станет вынюхивать Ютаку и след своих шестерок, но запах можжевельника притупит чутье. Скажи Саёри заварить с чаем побольше ядовитого плюща.

– Ты что-то понял?

– Не уверен, но демоны обосновались в этом городе

неспроста. Не дай заклинателю покинуть наш дом до конца дня.

Прохладная спальня Дано до отказа наполнилась чистым весенним воздухом. Держа в своей руке ее запястье, Ютака высчитывал пульс госпожи. Он стал прослушиваться немного четче. Лоб охладел, а к выбеленному лицу девушки наконец прилила кровь, но Дано все еще не пришла в себя.

Заклинатель зевнул, взглянув на солнце из открытых ставен. Оно подходило к своему пику, а он еще не ложился. С дозволения господ решил навестить Дано, но этот визит был скорее любопытством, чем жестом доброй воли. Не из похотливых побуждений, а исключительно в целях узнать больше, Ютака открыл край одеяла и подтянул дзюбан, оголив ноги госпожи до колен. Кожа на них была обычного, оливкового оттенка, без царапин и синяков. Ютака наклонился к ее щиколоткам и втянул носом. Запах серы сохранился на коже Дано даже после того, как госпожа Йо обтерла ее.

Заклинатель скользнул выше, к коленям, а затем отстранился. В носу засвербело. Сомнений не оставалось – Дано была с одержимым мужчиной. Он осквернил ее. Но никому, даже покровителю, не дозволена такая дерзость. За искусниками закреплено строгое правило, соблюдение которого требовал каждый Окия.

Ютака стянул губы в нитку.

«Саёри так усердно ухаживает за больной. Дано должна поправиться. Должна прийти в себя и рассказать о том, что случилось. По слухам, странности начались, когда искусница обрела покровителя, состоящего на службе у протектора. Узнать бы получше об этом знатном... господине». – он почесал затылок и вытянулся струной, соприкоснувшись взглядом с госпожой Йо. Она скромно стояла на пороге комнаты, держа чайник с кипятком, а свободной рукой сминала ткань нежно-розового кимоно. Сердце заклинателя забилося в горле, на лбу выступила испарина. Белые таби, в которые он уперся взглядом, чтоб не глазеть на нее, нерешительно шагнули в нему навстречу.

«Милашка...но розовый ей не к лицу».

– Господин Мидзуно, – она прошла к столику с лекарствами. – Большое спасибо, что дали мне отдохнуть и побыли с Дано, – неохотно проговорила Саёри, копаясь в корзине с травами.

– Что вы, госпожа, я был о... – он запнулся. – Очень рад помочь. – она отвернулась, наверняка скрывая смущение.

– Вам, кажется, пора...

– Д-да. Да, пойду, – натянуто, даже скорее по-идиотски улыбнулся Ютака, направляясь к выходу, но вдруг обернулся через плечо и кинул на нее многозначительный взгляд.

«Отчего такая знатная женищина вдруг решила заняться знахарством? Ведь те травы и снадобья, что отрядом

выстроились на столике, могут погубить репутацию. Один донос и под удар попадет и она, и господин Йо».

– Прошу прощения, госпожа, – Заклинатель поклонился, чем вызвал интерес Саёри. Она подняла голову и впервые взглянула на него. Округлившиеся ореховые глаза были наполнены печалью и какой-то недосказанностью. Госпожа спрятала руки за спину.

– Думала, вы уже ушли, господин, – поклонилась она в ответ, ожидая вопроса, будто приговора.

– Я бы очень хотел узнать о вас... – Ютака прикусил язык. – О ваших травах... что стоят на столе. – Напряжение в комнате ударило по нервам. На мгновение Йо перестала дышать. Кожей заклинатель ощутил всю ее подавленность. Она передалась ему мурашками, что побежали вниз по затылку. – Я мог бы узнать о них больше, госпожа?

– Подойдите ближе, – ее голос дрогнул. Саёри поспешила прочистить горло, а когда Ютака подошел, то и вовсе сжалась. Неужели настолько подавленно она чувствовала себя с незнакомым мужчиной в тесной комнате? Ютаке и самому было не по себе. Расстояние между ними уже значительно сократилось, но кому-то было необходимо взять себя в руки и прервать тишину, пока краснота не залила их лица окончательно. – Вообще, не все лекарства здесь являются такими, – начала она и Ютака еле слышно и с облегчением выдохнул. Неловкая пауза наконец-то прервалась. – Большая часть этих склянок в нужных руках может стать ядом.

Мужчина нахмурился, выдавив добродушие, как смог.

– М-да?

«Как интересно».

– Если, к примеру, вы заварите побеги чабреца, он успокоит ваше тело, замедлит сердечный ритм и вы с легкостью сможете уснуть, – она тронула темный мешочек с травами и кинула в пиалу пару свернутых сухих листьев. Они раскрылись и дали яркий цвет, как только кипяток, соприкоснувшись с чашкой. – Если добавить к чабрецу шалфей и листья мертвой крапивы, то средство станет abortивным, – Ютака разлепил губы в удивлении, а Саёри продолжила, но уже тише. Почти шепотом: – Мало кто знает, но при правильном смешивании чабреца с грибом «Мертвяк», человек умрет меньше, чем за минуту. Голова станет тяжелой, отек перекроет дыхание, а начавшийся спазм сдавит сонную артерию... Скажите, вам совсем ничего не известно об этом?

– Н-нет, – Ютака помотал головой. – Убить можно чем угодно, госпожа Йо. Нужны лишь удобный случай и знания. В данном деле я не силен. Меня мало интересуют зелья и яды. По душе расправа с мордами, маски с которых легко слетают от моего кулака. Другой вопрос: зачем это вам – знатной женщине с состоятельным мужем? – Саёри закусила губу. Венка на ее шее заколотилась сильнее, отчего воротник кимоно задрожал. Она была смущена? Или же испугалась, что Ютака может заподозрить ее?

– Простите меня.

Эти слова прозвучали так натянуто, будто ей было жизненно необходимо извиниться. За что именно, Ютака понять не сумел.

– Дело в том, что давний друг нашей семьи был умельцем по части ядов. Признаться, интерес к ним я никогда не питала... – прервалась госпожа. – А когда...когда его не стало, в память о нем и его деле, позволила себе забрать все это.

«Вот так просто? Даже оправдываться не станет? Неужто честна со мной? Интересная у них семейка».

– Не смотрите так на меня, духов ради, – оборвала Саёри, прижав ладонь к сердцу, когда увидела многозначительный взгляд Ютаки. В нем не было ни капли презрения, только неприкрытый интерес.

«Я хочу разгадать эту женщину» – зудело в его голове.

– Прошу, не пугайтесь моего любопытства, госпожа. Это просто... – Он безотрывно смотрел на Саёри, поджимая при этом губы, и вдруг опешил: ее холодные пальцы коснулись его ладони, нежно обхватив их. От этого ощущения Ютаку прошило насквозь.

День теперь не казался таким ярким; потускнела комната, улетучились запахи серы. Остались только ее свежий аромат каштановых волос, вздернутый носик и улыбка, кричащая: «Поверь мне».

Она потянула заклинателя на себя, заставляя так разорвать оставшуюся дистанцию между ними. Мужчина подал-

ся, как завороченный.

– Наверное, вы уже успели надумать себе всякого обо мне. Не стоит делать поспешных выводов, – произнесла госпожа и развернулась к столику, нарочно задев макушкой подбородок Ютаки. Теперь он стоял позади, задыхался и не мог вымолвить и слова против. – Тот мужчина был очень дорогим мне человеком, – тихо продолжила она и нашла другую его руку, а затем, точно марионеткой стала управлять обеими, по очереди прислоняя те к стеклу пузырьков. – Если хочешь прикоснуться к запретному, будь готов к тому, что оно тебя больше не отпустит.

Сильный духом заклинатель терял опору. Плечами, которые до локтей скользили по шелковым рукавам госпожи, он ощущал, как дрожал ее голос. Ему захотелось крепко прижать к себе эту девушку, понять ее, утешить и извиниться за вскрытую рану.

Должна ли она рассказывать о таком первому встречному? Разумеется, нет, но... – Из меня получилась бы плохая ведьма, господин. Я просто трусиха, сохранившая в памяти лишь склянки с отражением прошлого.

Ютака аккуратно повернул и раскрыл свою правую ладонь.

Прошрое.

Рассмотрев мозолистые линии собственной ладони, он больше не видел те самые смазанные угольком символы с именем. Нет. Надпись стерлась вместе с правдой о том, кем он был до того, как проснулся в той пещере.

– Без прошлого мы просто тени, блуждающие в темноте, – с тихой досадой проговорил заклинатель. – Мои руки привыкли источать опасную стихию, но они дрожат от желания вновь коснуться тех, кто мне был когда-то дорог.

От этих слов Саёри вздрогнула и отпустила его.

– Теперь уходите, – шепотом произнесла она и оперлась о стол со снадобьями.

Этого девушка увидеть не смогла, но заклинатель решительно кивнул и, задержав на мгновение дыхание, вынырнул из покоев, скрываясь за углом тусклого коридора.

«Какой же я болван...» – он сполз по прохладному каркасу стены, вознося голову вверх. От Саёри спирало дыхание, что казалось странным. В ней не было ни шарма искусницы, ни округлых форм с пышной грудью, которой можно было бы покорить. Щупленькая, она представлялась букашкой на фоне любого мужчины. Чересчур молчалива и довольно застенчива, что казалось скучным. А из-за коротко срезанных волос и маленького роста ее очень легко спутать с незрелой юношей.

О женщинах Ютака задумывался не часто и вряд ли разбирался в их шарме, но обычно, если все же подворачива-

лась возможность и вскипала кровь, вечер заканчивался наспех, быстрым сношением за углом какой-нибудь забегаловки. Заклинателя всегда устраивал такой расклад. Его мало интересовало, чья жена пригласила его под свой подол и что чувствует, когда переполненная уходит от него в постель к своему мужу. Но сейчас...сейчас Ютака ощущал себя иначе. Он потерял лицо, как следует надавив на глазницы, и шумно выдохнул, пытаясь собраться воедино после короткого разговора.

Образ Саёри стоял перед глазами. Ее улыбка, которую он видел всего дважды и ореховые глаза...в них было что-то непокорное, дикое, о чем никак не скажешь по внешнему виду.

В груди забарахлило, а слабость резко стала пронизывать кости. Деваться некуда: заклинатель обессилено побрел в комнату и упал на ждавший его futon.

Время текло, но сон не шел. Что-то с каждой минутой все больше скребло изнутри. Ворочаясь с бока на бок, Ютака стал припоминать это состояние. Так ощущалась опасность. Он прислушался. Сквозь пустую тишину дома удалось уловить еле заметные звуки. Они слабо напоминали колыбельную из самодельных шкатулок, которые дарили малышам, чтоб те крепче спали. Только вот от этой мелодии спать не хотелось совсем. Она приносила ломоту и уныние.

Что это?

Магия внутри заклинателя забилась, сводя мышцы.

– Вашу мать...какого х... – дернулся Ютака, перекатившись по простыне. Сдерживаться дальше и не закричать было очень сложно, поэтому зубами он вцепился в обивку фута и выместил на нем сковывающие ощущения. Звук тем временем надоедливо нарастал, проникая внутрь и сжимая каждую конечность по очереди.

Колыбельная меж тем все громче играла в голове, и стиснув зубы, Ютака поднялся на ноги.

«Чего добивается эта мелодия? Пусть ведет в нужном направлении, если хочет что-то показать», – сдался он и как только перестал контролировать свое тело, напряжение, что болезненно держало его, отпустило, но звуки в голове продолжали мучить.

Он был бессилен.

Повернувшись на пятках, побрел в то крыло, где был всего раз с господином Каем. Музыка в ушах сменилась назойливым писком, а темный коридор казался черной тропой, из которой влажными лапами цеплялся холод.

Серный запах ударил в нос, когда в полумраке Ютака приблизился к косяку и смог нащупать дверь. Грузно опустившись на колени, он зажал уши. Больше всего хотелось крик-

нуть, но он побоялся напугать хозяйку, которая, похоже, была единственным человеком в доме. Где Йо и Кай – стоило только догадываться, но ждать от них спасения смысла не было.

Наконец рука потянулась к створке и сдвинула дверь в сторону. Осознание, что только что пришлось проникнуть в оружейную, смутно оседало в голове заклинателя. В теперешнем положении он был готов на все, лишь бы прекратить эти звуки. Они продолжали изводить, шепча разные пошлые гадости.

«Да чего же ты хочешь? Бери уже, довольно издеваться, дрянь». – прорычал про себя Ютака и прополз чуть вперед. Кроме темных ящиков с оружием в этой комнате больше ничего не было, но разобраться без фонаря было все равно трудно. Тогда мужчина вытянул руку и наощупь стал дотрагиваться до каждого из них. Нутро тряслось, как с сильного похмелья. Казалось, что еще немного и придется выплюнуть собственное трепещущее сердце, которое заходило в такт с противной мелодией в ушах. Это сводило с ума.

Решив касаться каждого ящика по очереди, Ютака почувствовал, как что-то лежащее в одном из них подалось ему навстречу. На ощупь ящик был обит плотной кожей, казался довольно плоским и слегка вытянутым, с холодными скобами.

Заклинатель судорожно потянул его край на себя. Оста-

лось лишь взглянуть на то, что же внутри так зовет его, но от изнеможения он все никак не мог щелкнуть пальцами, чтобы добавить в эту комнату света. Чем ближе эта штука, тем хуже чувствовал себя Ютака. Окаменевшей рукой он схватился за горло, а второй старался открыть треклятый ящик. Когда замок лязгнул и отварилась крышка, тело обволокло сырым дымом, отчего заклинитель тут же провалился в омут, ощутив напоследок, как его запястья и плечи накрывает обжигающий холод.

Избитые ноги жилистого перевозчика остановили повозку прямо возле невысоких ворот чайной господина Йо. Хмурый мужчина разгладил ладонью ткань шелка на животе и неторопливо двинулся к саду, мельком кинув взгляд на деревянную табличку, говорящую о закрытии заведения. Он оскалился и коротким жестом подозвал ближе солдата, плетущегося позади. Гарда на его мече стучала об ножны в тон с шарканьем плотно перевязанных сандалий. Правый глаз солдата нервно подергивался, да и сам он вел себя странно.

– Прикажете убрать их сразу, господин Танака? – тихо спросил солдат, крадись сзади.

Столоначальник зализал выбившиеся седины у висков. Его взгляд, как и мышцы на лице был расслаблен. Едва ли теперь Танака походил на того, кто умел улыбаться.

– Сначала послушаем, – нехотя выплюнул он и ступил на широкий порог дома, от стен которого пахло гарью.

– Господа! – прозвучал добродушный голос Кая, появившегося из-за угла. Как и всегда, он натянул до боли тошнотворную улыбку и двинулся ближе, проминая под собой скрипучие полы. – Прошу прощения, вы к нам по делу?

– Да! Позовите хозяина, – грубо отозвался солдат, но Танака удерживающим жестом заставил того замолчать.

– Прошу прощения за своего воспитанника Боки, он не сдержан в эмоциях и будет наказан.

Кай растянул уголки губ, пригладив хлипкие усики.

– Это лишнее, господин. Моя вина. Не следует держать уважаемых господ у порога. Пройдемте в сад, к беседкам.

Казначей приглашающе пропустил вперед этих двоих и последовал за ними. Глаза Танаки хитро сверкнули, а солдат точно собака стал нервно втягивать носом душный воздух.

– Скажите, а отчего же ваш дом так скоро закрылся на ремонт? Поговаривают, в него вломились воры этим утром и пытались устроить поджог.

– Ну что вы, помилуйте, господин. Брешут. Всё брешут, – отмахнулся Кай, сравнившись с Танакой. – Просто укрепление оказалось под угрозой, а это может быть опасно для гостей. Господин Йо принял решение о замене несущей конструкции.

В выдержке казначею было не занимать. Он умело играл роль недалекого дурочка. Так проще запутать и сбить с толку нужную фигуру. Будь это хоть сам Сёгун, Кай с легкостью

заморочил бы голову и ему. Но, к сожалению, Танака не был человеком и пришел сюда с другой целью, так ярко мелькавшей в его наигранно расслабленных глазах.

– Прошу, присаживайтесь, – указал казначей на кованную лавочку под вытянутой крышей беседки.

– Неужели здание находилось в плачевном состоянии уже вчера?

Неубедительное удивление Танаки отозвалось у Кая изжогой.

«Не умеешь играть – так не берись, чучело». – подумал он.

– Боюсь, что так, но, очень надеюсь, что этот секрет останется строго между нами. Мы уже занимаемся строительными работами и обещаем исправить все ошибки в кратчайший срок.

– Ну разумеется, – оскалился господин и отвлекся на приближение хозяина дома, который невозмутимо плыл по каменной дорожке. – Господин Йо, – поклонился Танака.

Солдат поднялся на ноги.

– Прошу простить за ожидание, уважаемые господа, – зарылся Йо в складки рукавов после приветственного поклона. – Я распустил всех слуг сегодня, поэтому чай нам подаст моя жена, Саёри. Не возражаете? – Танака засиял. Интерес к женщине повысил его настроение.

– Конечно нет, господин Йо. Конечно, нет.

Хозяин присел напротив, а Кай и нервный солдат остались стоять подле своих хозяев.

– Прошу, напомните цель своего визита, господин Танака, – вдруг врезал Йо, и прихвостень столоначальника напрягся. Казалось, кожа на его лице вот-вот разлетится шматками, а демон, сидящий внутри, покажется, чтобы начать кошмарить тех, кто посмел обидеть хозяина. Шавки, окружающие Танаку, и правда очень нетерпеливы. Их разум почти отсутствовал – они жили лишь инстинктами. Танака выдохнул через нос. Легкий ветерок, напитанный свежестью можжевельника, смешался с омерзительно-сладким запахом серы.

– Знаете, господа, – начал он с козырей, поменяв тон беседы на более серьезный. Для устрашения, разумеется. – В моем ведомстве ценят порядок. Когда вещь пропадает со стола – это досадно. Но, когда за пару дней исчезают двое здоровых мужчин и искусница, основным покровителем которой я являюсь... Это наталкивает на мысли о дурных манерах.

Йо ожидал от гостей что-то в этом духе, а вот Кай опешил. Пальцы за его спиной затрещали от натуги. Танака же чувствовал себя уверенно. Его коварная улыбка должна была внушить господам Чайного дома трепет, который он ждал на человеческих лицах каждый раз, стоило ему только оскалиться. Вот только...здесь его не боялись.

– Я негодую, господа.

– Помилуйте, – с привычным хладнокровием убеждал Йо,

раскинув руки. – Неужели мы под подозрением? Ночь в заведении была тихой. Возможно, ваши люди просто засмотрелись на танцы ночных мотыльков в соседнем квартале? – фальшиво задумался Йо, коснувшись бородки. – Наш дом славится покоем, а не происшествиями.

– Покоем? Хм, мне показалось, что от стен вашего дома несет гарью...

Танака прервался, когда из-за разросшегося куста пушистого можжевельника показалась Саёри. Невинно упирая глаза себе под ноги, она несла поднос с травяным чаем и убийственной дозой яда без отдушки, от которой демон должен упасть замертво.

Танака отвлекся на молодую госпожу, оценивающе шаря хитрым глазом по мелким цветам ее кимоно.

Солнце, палившее прямо в лицо, вдруг исчезло, затянулось низкими серыми тучами. Теперь четко и без прищура можно было увидеть изумление столоначальника.

Когда он плотоядно облизал губы, грудь господина Йо тяжело поднялась, а ноздри шумно раздулись, но на провокацию хозяин не поддался.

– Казначей, вы человек цифр. – не отрывая взгляда от Саёри, повернулся Танака к Каю. – Какова вероятность, что молодой бродяга с глазами цвета раскаленных углей и моя ис-

кусница прячутся под вашей крышей?

Хитрый демон ждал только одного – реакции, но ее все не следовало. Ни удивления, ни раскаяния. Ничего. Разлив чай, госпожа Йо подвинула его ближе к Танаке.

– Мы ведем учет гостей, господин. Это исключено, – соврал Кай, поправив съехавшие от пота очки. Импульсивный казначей сдерживал себя от большого, просто непреодолимого желания ударить столоначальника по лицу. Еще никогда ему не хотелось сделать это так сильно.

– Предположим, что, я украду вашу супругу, господин Йо, – Саэри прижала голову к плечам, ожидая, что в следующий миг массивная, желтоватая рука Танаки коснется ткани ее одежды, ведь он уже занес ее. Второй же, взял чашку с чаем. – Как отреагируете, если вашу «вещь», вашу «любимую игрушку» отнимут и спрячут? – Он довольно прищурился, хватаясь за верх широкого пояса госпожи Йо и резко дернул. Жидкость из чашки неаккуратно вылилась на его колено.

Саэри содрогнулась, удерживаясь на месте.

– Господин, прошу. Вы обожжетесь, я уберу. – всхлипнула госпожа и подалась вперед, но Танака удержал ее на месте.

Шальные глаза солдатика с интересом забегали по господам. Йо не дрогнул ни одним мускулом, мастерски продолжая прятать вспышки злости под маской безразличия. Однако зубы Кая все же скрипнули, этого нельзя было не услышать.

С извращенным интересом Танака наблюдал за беспомощностью людей, чей дом навестил. В такие минуты он чувствовал себя властителем этого острова. Будто вся мощь уместалась лишь в его ладони, которой он легко мог рубануть по головам слабых. Этой же ладонью он стал поглаживать тугой пояс госпожи Йо.

– Что скажете? Она была бы прекрасной заменой моей Дано. – он пошло прошелся по девушке взглядом. – Хрупкая. Легко сломать такую под своим весом. – Саёри охнула, когда Танака прижал ее ближе. Чайник в ее руках задрожал, она крепко обхватила его ручку, а терпение Йо тлело, как сырая бумага. Глаза налились кровью, он перестал моргать, лишь мертвенно смотрел на столоначальника. Если дернется, стоящий рядом Кай, первым попадет под раздачу, ведь скользкий солдатик Бо в нетерпении переминался с ноги на ногу, готовясь напасть. Так сильно ему хотелось пообедать.

Тусклый солнечный диск, проглядывающий сквозь серую вату облаков уже не пек кожу, но дарил невыносимую духоту. Тела демонов намокли, источая тошнотворную вонь, от которой хотелось прикрыть нос.

– Давайте выпьем чаю, господа. Обсудим вопросы мирным путем... – попытался сгладить ситуацию Кай.

– Ну же, Йо, где ваши манеры? Вы заставляете меня делать то, чего я больше всего не люблю, – ждать, – отрезал он последним словом. – Мне нужна Дано. Или твоя милая женушка отправится отрабатывать долг в Окия вместо нее, –

Он ухватился за бант пояса Саёри и натянул его. Тот с мягким звуком поддался, удлиняясь в его руках.

– Убери от нее руки, мусор. – пробасил появившийся заклинатель, и воздух раскалился, обдав Танаку и остальных потоком жара. Трава под стопами Ютаки задымилась, когда он зашагал вперед, переминая пальцами злые оранжевые искры.

– Ютака... – прошипел Танака, сузив глаза. – Сам пришел. Мне даже не пришлось снимать наряд с этой овцы, – он крепко сжал ворот Саёри и откинул ее в сторону. Упав на колени, она попятилась назад. – Ни с места, Йо! – прорычал Танака, указав на хозяина кривым пальцем, когда тот подался к жене. – Иначе я сожру ее быстрее, чем успеешь открыть свой рот.

– Черт, Кай, – наконец заговорил Йо. – Я просил не выпускать мальчишку.

– Мать твою, Мидзуно... что ты натворил... – тихо простонал казначей последнее, медленно снимая мокрую от пота шапку с головы.

Пустой, взгляд Ютаки ужасал. Он устало волочил ноги, те безвольно плелись, но сила горела на открытых частях его кожи. Драконьей чешуей она пульсировала и требовала показать ее мощь.

– Думаешь, если умеешь раздувать искры, заклинатель, то можешь вот так просто дерзить? Я съем твое сердце, юнец! Съем еще до того, как испустишь последний вздох, – проба-

сил Танака, оскалившись.

– Ты до него не доживешь.

Голос Ютаки прозвучал негромко, с равнодушием, от которого у солдата Боки дернулись мышцы. Обычно игривый заклинатель любил позабавиться и подразнить демонов, но сейчас от него ничего бывшего и близко не осталось.

– Убей его, Боки, – скупающе отмахнулся Танака.

Тело солдата пошло волной. Со стороны это зрелище было сравнимо с кошкой, которая подпрыгивает перед тем, как ее вытошнит. Боки выскочил из человеческой оболочки мелким горбатым чертенком с серой морщинистой кожей и слезящимися желтыми глазами.

Смотреть на такое существо противно, не то что драться с ним.

Но по части хитрости этому уродцу не занимать. Он не полез на рожон, а растворился у ног Саёри и тут же возник за спиной у Ютаки, широко раскрыв острозубую пасть возле шеи заклинателя. Резким движением локтя тот щелкнул демона по челюсти и бедрлага отлетел, вспахав мордой каменную дорожку. Оставил на ней струю густой крови.

– Теперь ты, – Ютака перевел взгляд на Танаку, и тот взревел. Маска на его лице проявилась огромной табличкой с древними символами. Глаза и рот спрятаны за ней, а из лба торчали два кривых рога. Таких демонов, как этот, заклина-

телю еще не попадалось, но в подобном состоянии ему было плевать на это.

Сгустки чернил, отделявшиеся от маски, демон превращал в светящиеся символы. Те вспыхивали, зависая над ним в воздухе. Они походили на «Черную сыпь». Ей пользовались маги из храмов для защиты от злых духов. Да и демон этот похож на заклинателя больше, чем на Они. А может им и являлся, но стал одержимым.

В технике «Черная сыпь» монахи могли заговаривать печати, написав их на дощечках. Стоило такой дощечке задеть проклятой души или одержимого, как она обездвиживала его, вызывая паралич, а затем исполняла прописанную команду.

Демон взмахнул руками, и витающие вокруг него символы, означающие «тяжесть», вспыхнули, а затем со свистом полетели на Ютаку. От первых двух, заклинатель уклонился, продолжая идти на Они, но третий вlepился ему в спину, а затем ударил в плечо. Заклинатель почувствовал, как рука налилась свинцом, вбивая его в землю.

Танака грубо рассмеялся, поднявшись на ноги. Он не был одержим, как Боки, выползший из другого человека. Его тело — иллюзия, колдовство, подвластное заклинателям или травникам в кланах синоби. Вот только последние давно исчезли, стали сказкой на ночь. А шпионажем и разведкой занималось разное отребье, целью которого была нажива, а не

защита острова.

Кай подавлено мотнул головой, отводя взгляд, а Саёри подалась к обездвиженному Ютаке, но Йо не пустил ее и на шаг ближе, ухватив за запястье.

– Что же ты, шутник? Действительно в себя поверил? – обошел демон прижатого к земле заклинателя. – Занятно.

В этот момент мелкий бесенок, что очнулся после доброго удара, помотал мордой и, учуяв запах крови от поцарапанных коленей Саёри, угрожающе навис над ней и Йо.

– Нет! – крикнул господин Кай, заслонив тех грудью. Острые когти демона пропороли ее до живота. Обмякшее тело казначея повалилось на землю. Госпожа Йо вскрикнула.

– Теперь ты, милочка! – проскрипел Боки и принялся к металлическому запаху, что теперь ярко витал в разряженном воздухе.

Глаза заклинателя утонули в багровом мареве.

– Моё... – вырвалось из его горла. – Не трожь!

С животным ревом провопил Ютака и бросился вперед, игнорируя печать, вминавшую его плечо в землю. Он дергал его, тащил, выкручивая сустав. В конце концов был готов лишится руки, вырвать ее, но не дать демону навредить никому из стоящих.

– Мне нравится, как ты кричишь, заклинатель.

Дождь большими редкими каплями стал падать на лицо Ютаки. Он по-звериному ощерился, взглянув на Танаку.

– Молись, ублюдох! – взглянул он исподлобья, и раскалил

свободную ладонь до красна, приложил ее к печати на плече. Крик боли разрезал сад. Собственное пламя жрало плоть заклинателя, плавя его кожу, как воск. Печать искривилась и треснула, заставив Танаку отшатнуться.

Коротким прыжком Ютака метнулся к Боки и с ослепительной яростью схватил его за горло. Разнесся тошнотворный хлюпающий звук, когда заклинатель со всего маху стал вбивать голову Боки в покрытую короткой зеленью землю. Брызжащая во все стороны кровь, шипя отлетала от тела Ютаки.

– Моё! – ревел он точно медведь. – Моё! Мо-ё! – с каждым движением вымещал все больше силы, пока голова демона не превратилась в красную кашу из мяса и костей. С обезумевшим, застланным взглядом, Ютака отбросил останки Боки и, развернувшись, кинулся к ошеломленному Танаке. Его печати больше не действовали, и с каждым приближающимся шагом, демон все больше ощущал свой конец, безнадежно отшвыривая остатки чернил в воздух, стараясь материализовать их.

Каждая техника имела предел. В бою между двумя заклинателями побеждал не сильнейший, а тот, кто умело распределял свою силу и изматывал противника. Танака так хотел расправиться с заклинателем, что позабыл об этом.

Печати, врезавшиеся в кожу Ютаки, разъедали ее, принося жуткую боль, но больше не парализовали.

– Чернила кончились? – прорычал заклинатель и пламе-

неющими пальцами нанес демону серию быстрых ударов по корпусу, выбив из него весь воздух до громкого хрипа. Танака пал на колени. Табличка на его лице покосилась, оголяя белый, будто мелом вымазанный рот, из которого стекала черная жижа. – Что, сука, больно? – похлопал он демону по плечу, обхватив его рог, а затем, вложил оставшуюся силу и, хорошенько размахнувшись, зарядил прямо в середину съехавшей таблички. Демон издал вопль. – Мне нравится, как ты кричишь, – передразнил Танаку Ютака и ударил снова.

Маска дала трещину, но пришлось ударить еще трижды, чтобы чернила вытекли полностью и мерзкий ёкай обмяк.

Переведя дыхание, Ютака шмыгнул разбитым носом. Тепло, покрытое волдырями, ныло от боли, а одежда была изъедена огнем.

Теперь тишина в саду казалась чем-то забытым. Даже дождь перестал, чтобы не нарушать ее.

Все, что Ютака помнил дальше, – как пошатываясь, побрел к госпоже Йо, что ошарашенно смотрела на него.

Магия, бушевавшая минуту назад – отступила, только мелодия колыбельной задевала рассудок. Чужая кровь на его руках стала истлевать вместе с телами демонов и осыпаться хлопьями, стирая с земли следы этих монстров.

Он пал перед Саёри на колени, подняв затуманенный

взгляд. Все было, как в бреду.

Госпожа переглянулась с мужем, но не увидела ободрения.

– Обними... меня... – прохрипел Ютака и уткнулся лицом между бедер Саёри. Медленно и аккуратно она запустила руку в его мокрые, растрепанные волосы. Мягко проведя по ним, коснулась скулы и грубого от небольшой щетины подбородка. – Теперь... хорошо...

Заклинатель обмяк и, скользнув губами по розовому шелку, повалился на бок.

Глава 9

Клан Рюсоку

Много лет назад:

– Юта... – блаженно пропела это имя тонкотелая ткачиха, сильнее сжав длинные волосы мужчины, чье лицо тонуло меж ее бедер. Его губы без остатка накрывали лоно, то влажно скользя по коже, то настойчиво впиваясь в нее.

– Я хочу слышать, как тебе это нравится. Поскули для меня, – поднял он потемневший взгляд, чтоб посмотреть на обескураженную краснощекую красавицу. Она уже скатала под собой весь подол льняного юката, как следует выгнувшись в спине, и глотала горячий воздух, пахнувший сладковатым мускусом и свежестриженной шерстью. Незаконченная вышивка, которую пришлось оставить с появлением нежданного гостя, так и осталась скромно лежать возле догоревшего очага. Хозяйка тканой лавки точно будет недовольна, но какая разница, когда язык Юты так приятно изучал ее тело на искрящемся футоне этой ночью.

Его тяжелая рука собственнически легла на острое колено девушки, разводя его шире. Ткачиха охнула и невольно попятилась назад, но Юта чуть сильнее сжал пальцы на ее бедрах, не давая шевельнуться.

– Пытаешься сбежать? – прозвучала опасная усмешка.

– Нет... я просто... – Она задохнулась, когда его зубы коснулись клитора. – Юта, ты ведешь себя, как зверь...

– Да, ты сама впустила его в дом, – прижался он сильнее, и ткачиха запрокинула голову назад, издав громкий, нарастающий стон. – Рано сдаешься. Разве мы не договорились играть в эту игру по моим правилам? – прорычал он, проводя языком по ее бедру. Мокрый след приятно застыл на нем.

– Ты невыносим, – сбито прошептала она и набрала в грудь больше воздуха, готовясь так к еще одному заходу, но Юта вдруг нахмурился, отведя взгляд к выходу, а затем накинул на девушку тонкое одеяло, оставаясь между ее ног.

– Лежи тихо, – прошептал он, коротко коснувшись губами влажного лона.

Дверь в комнату с грохотом съехала в сторону. На пороге застыл командир клана Рюсоку. Его широкая грудь, затянутая в тонкий жилет, вздымалась, а на виске пульсировала венка.

– Юта, сын Рёску и Ёси... – громко начал командир, но поперхнулся, увидев голый зад и свежую царапину на плече того, за кем пришел. – Твою ж...

– М-м? – невозмутимо обернулся через плечо Юта, вынув голову из-под одеяла. – Командир Ичи? И вы здесь?

– Бессовестный недоносок! Встать бл... – прохрипел Ичи, едва сдерживаясь в высказываниях. Его лицо угрожающе искажилось, напоминая спелую сливу, а из-под сжатых челюстей вырывалось шипение, но Юта, кажется, совсем не соби-

рался покидать уютное местечко между стройных девичьих ног. – Дзёнин рвет и мечет, а ты под подолом у девки?!

Юноша лениво оперся локтями о фuton и окинул командира взглядом, полным искреннего, глубокого безразличия.

– Надо же, командир... Я и не знал, что в ваши обязанности входит роль моей няньки, – тягуче усмехнулся он и подпер кулак под щеку. – Вы так громко топали своими сандалиями, что едва не испортили мне финал.

– Твое задание! – взревел Ичи, делая шаг в комнату. – Ты должен был явиться сразу и доложить дзёнину, но даже у родителей еще не был! Сразу таскаться понесло!

– Видите ли, – Юта перевел взгляд на дрожащую под ним ткачиху и нежно погладил ее по оголенному колену. Та вздрогнула. – Задание было смертельно скучным. Куча пыли, неудовлетворенный онанист и девчонка-куноити из клана Зецуэй, с тем же заданием что и я. О последнем, конечно, стоит узнать у дзёнина получше, но только после того, как закончу здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.